

ДМИТРИЙ БИЛИК

УНИКУМ

ПРАКТИКУМ

Дмитрий Александрович Билик

Уникум. Практикум

Серия «Уникум», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67760298
Д. Билик. Уникум. Практика:*

Аннотация

Дмитрий Билик – популярный писатель-фантаст, автор нескольких циклов книг в разных жанрах. Представляем третью книгу цикла романов «Уникум», которая называется «Практикум».

Максим Кузнецов – сирота и жил с отчимом. Он обычный подросток, но однажды к нему пришли люди из МВДО. Что это за служба? Служба занимается надзором за магией, и у Максима была зафиксированная сильная вспышка магических способностей. Он уникален и теперь ему предстоит обучаться в магической школе. Там все не так просто, взять хотя бы местную золотую молодежь, которая совсем не рада выскочке.

В третьей книге нас ждет продолжение приключений героя. Идет последний год обучения, однако к привычной охоте на нечисть добавляются столкновения с существами и неизвестного мира. В то же время страной теперь правит Уваров – маг, не обремененный принципами морали и

преследующий исключительно собственные цели. Поэтому над школой сгущаются тучи, и предчувствие страшных событий витает в воздухе. Читайте продолжение истории.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	87
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дмитрий Билик

Уникум. Практика

Дмитрий Билик

* * *

Глава 1

Каждый мечтает о своем доме. Не зря в набивших оскомину правилах «настоящего мужика» он фигурирует на первом месте, опережая сына и дерево. Вот только никто не говорил, что дом – это тот еще геморрой. Видимо, риелторы и владельцы строительных магазинов специально держат данную информацию в тайне. Масоны нашего времени, не иначе.

Я-то думал, что по приезде в фамильное гнездо мы быстренько подлатаем особняк и заживем недолго (потому что летние каникулы не такие уж длинные), но однозначно счастливо. Куда уж там... Отчим вывалил на меня такой ворох информации, что волосы встали дыбом, абсолютно во всех местах, где только могли. И это в самом начале каникул!

Самыми насущными делами оказались три кита, на которых и должно было строиться комфортное проживание в фамильном особняке: «водянка», электрика и канализация. С газом дядя Коля решил не связываться, потому что сумма выходила какая-то совсем космическая, даже для внезапно обогатившегося на продаже артефактов мага. Поэтому пришлось обходиться индукционной варочной панелью.

К слову, само подключение электричества к дому вышло выматывающим. Я бы даже сравнил его с одним из Испытаний древних по трудозатратам. Более того, если бы не мои

магические способности, черта лысого нам бы вообще дали разрешение. А так – немного силы против немощных с последующим убеждением – и всего через месяц (месяц, блин!) к дому официально проведено электричество. А уж развести проводку по комнатам дядя Коля вызвался сам.

Одновременно с этим происходила эпопея с «водянкой». Разбираться с соответствующими структурами отправился опять же я. Снова договорился, выложил кучу денег, однако нас долгое время мурыжили с подключением. То трубы у них закончились, то фитинги, что бы это ни значило, то муфты. Но все же в середине июля я благополучно сел на нормальный человеческий унитаз, а не на тот покосившийся скворечник с прорезью в двери. Бог знает, сколько времени он вообще тут стоял.

Кстати, об унитазе. Я раньше как-то не особо задумывался, куда исчезают отходы жизнедеятельности. Но, спасибо своему дому, теперь все смог лицезреть наглядно. Поэтому первым делом по приезду мы начали рыть отхожую яму под бетонные кольца, которых дядя Коля заказал аж восемь штук. Я прикинул глубину сооружения и резонно заметил, что столько гадить мы не будем. Но отчим остался непреклонен: вот лопата, вон объект. Бери больше, кидай дальше, пока летит – отдыхаешь.

Хорошо, что были у нас в имении маги земли. Не бог весть какие, но вырыть глубокую яму под бетонные кольца я смог безо всяких лопат. Пусть и сил потратил порядочно. За свою

работу даже получил от Потапыча прозвище «Отхожих дел мастер». Сам же банник в последнее время осмелел. Надо сказать, что волю Потапыча дядя Коля исполнил: подготовил фундамент для бани, купил лес (мой приживала еще пять раз спросил, точно ли летний взял), а всем остальным уже занимался банник.

Поэтому к тому моменту, когда я мог начать день с чашечки кофе и освежающего душа, поодаль от самого дома всюду курился дым над баней. Без перерывов и выходных. Через посредника в лице отчима Потапыч быстро поставил печь, собрал сруб, ну и прочее. В детали я уже не вдавался. Теперь баня топилась каждый день, а ее обладатель только там и пропадал. Надо сказать, так оно даже лучше. Меньше разрухи в хозяйстве, потому что с домовым банник так и не подружился. Более того, делал все, чтобы саботировать любую деятельность Тишки.

Когда я уже подумал, что с основными делами покончено, всплыло еще одно веселое обстоятельство, которое надо было написать в документах на имущество. В своем доме никогда не бывает все доделано. Всегда надо что-то заменить, подлатать, поскоблить, подстрогать, прибить. Всегда! Поэтому каждое утро начиналось с уже опостылевшей фразы отчима: «Ну что, Макс, поработаем немножко?» Вопрос, понятно, был риторический.

Благо я дожил-таки до тринадцатого августа и, дождавшись условленного времени, сбежал от работы в сторону пе-

реквестка. К сожалению, лишь там нормально функционировали мобильный интернет и сотовая связь. С другой стороны, не только я страдал. Димке для немагической связи с внешним миром так и вовсе приходилось лезть на самое высокое дерево, чтобы принять сигнал.

– Алло, получил, что ли? – спросил я.

– Да, четыре фотографии, – ответил мне Байков.

– Погоди, там еще две. Со всех сторон сфоткал, чтобы ты ноги не переломал. Как получишь, перемещайся, я уже домой бегу.

Так как в доме комнат было в изобилии, решено было одну из них, самую маленькую, отвести для аппарационных нужд. Операция простая: ты скидываешь по одному из мессенджеров подробную обстановку в комнате, а потом ждешь гостей. А сегодня ко мне должны были телепортнуться Димон, Мишка и Рамиль. За последнего я почему-то переживал больше всего. Как бы Рамик не прилетел по частям или не переместился прямо в стену. Все-таки его запасы магических сил и концентрации оставляли желать лучшего.

Прибежав обратно, я встретил Байкова, уже поджидающего меня на кухне возле торта. Димон не сводил плотоядного взгляда со сладкого, в своих мечтах явно расправляясь с третьим куском.

– Привет, – он радостно поднялся с места. – С днем рождения, Макс! Я тут...

– Потом поболтаем, – я пожал ему руку, – мне еще осталь-

ных надо встретить.

Я на всякий случай заглянул в аппарационную комнату и посмотрел, все ли на своих местах. Мало ли, Байков мог нечаянно сдвинуть, к примеру, статуэтку балерины на комод. Объясняй потом Рамилю, почему его рука оказалась в гостинной.

Можно было оставить комнату без мебели и интерьера. Но, как мне рассказал Байков, лучше подобного не делать. В нее мог случайно переместиться какой-нибудь залетный маг. Потому что пустых комнат в нашем мире предостаточно. Одна из них могла быть похожа на нашу.

Но волнения оказались напрасными. И спустя минут пятнадцать вся честная компания была снова вместе. Правда, Рамик при перемещении снес настенные часы с гирями. Но на эту жертву я пошел с легкостью, они мне все равно не нравились.

– Фига се, – мой татарский друг ходил с инспекцией по дому. – Блин, надо геологию эту вашу тоже почитать. Вдруг и я какой-нибудь дворянин.

– Генеологию, – поправил его Мишка. – Можешь не напрягаться. Среди благородных ни одного Шафидуллина не замечено.

– Да что бы ты знал, – отмахнулся Рамиль. – Я вот чувствую, сидит это у меня внутри. Чтобы ходить с важным видом и слугам указывать. А это че, домовый у тебя?

– Рад вас приветствовать в имении Кузнецовых, – покло-

нился Тишка. – Праздничный обед будет подан через полчаса. Жаркое еще доходит.

– Нет, ну где справедливость? – Рамик возвел руки к небу, точнее, к потолку. – Тебе и домище вон какой, и домовой, и банник...

– Банника можешь забирать, – легко согласился я. – Пользы с него никакой, только собачится. Совсем у него характер испортился. Тишка, где, кстати, Потапыч?

– Не знаю, хозяин, с утра его не видел. Поищу попозже.

– Да и черт с ним. Пойдемте вам снаружи все покажу. Правда, особо смотреть не на что, но все-таки...

Спустя полчаса, отведенных Тишкой, мы вернулись обратно. Теперь друзья знали, где в будущем, по нашей задумке, будет беседка, мангальная зона (на этом настоял отчим), дровяник на зиму. Еще дядя Коля пробрасывал темы по поводу своих кур или уток. К тому же водоем – вот он, свой есть. Но я пока умело отбивался от подобного. Так и глазом не успеешь моргнуть, как станешь полноправным деревенским жителем, а не обитателем дворянской усадьбы.

Домовой, вытянувшись в струнку, ожидал нашего прихода. Вот на кого можно было положиться, так это на Тишку. Сказал полчаса – значит, полчаса. Это не Потапыч, который мог легко дать слово и не менее легко его нарушить. Что называется, пацан сказал – пацан сделал. Пацан не сделал – пацан еще раз сказал.

– Это мы хорошо зашли, – Рамик оглядел стол. – А пить

что будем? – Он тут же встретился взглядом с входящим следом дядей Колей и попытался оправдаться: – Здрасьте. Это я так, к слову.

– Привет, пацаны. Если хотите, то по чуть-чуть можно. Шестнадцать, все-таки, совсем взрослые уже. Щас Потапыча найду, у него там на любой вкус и градус.

– Нет, мы ничего не будем, – сказал я.

– Да, не будем, – согласился Байков.

– Мы непьющие, – влился в наш клуб трезвенников Мишка.

– Даже пива? – протянул Рамик, но тут же исправился: – В смысле, даже пива не будем.

Хотя взгляд моего татарского друга говорил об обратном. Мол, совсем мы не умеем веселиться. И так праздники в его деревне не проходят. Но я по поводу спиртного был категоричен. Обычно ярые трезвенники вырастают как раз в семье алкоголиков. Мне, к примеру, и без пива и прочего было хорошо.

Друзья собрались под крышей моего дома, постепенно раскрепостились рядом с отчимом, принялись болтать и налегать на еду. Точнее, у кого как лучше получалось. Вот Димон, не будь дураком, ел так, что за ушами трещало. А Рамик больше растекался мыслью по древу. Птица-говорун.

– Я узнавал, в начале года пришлют распределения. Ну, и нас раскидают кого куда. Надо держаться вместе, если получится, конечно.

– Вряд ли получится, – отозвался Байков, даже не отрывая взгляда от стола. – При формировании «шестерок» не смотрят на дружественные отношения. Ты вполне можешь оказаться в связке с Азаматом и Куракиным. Кстати, о последнем...

Димон будто вспомнил что-то. Даже есть перестал.

– Вы, наверное, не слышали. В «Магическом обозрении» писали. Да и так, между семьями болтают...

– Димон, не томи, а то получишь ложкой по лбу, – ответственно заявил я.

– Главы родов Терлецких и Куракиных обнаружены мертвыми на пегасозаводе последнего. Один убит непосредственно магией, другой отравлен. По версии Конклава, они что-то там не поделили. Вот Терлецкий и убил Куракина, а тот успел прежде отравить Светкиного отца. Вот только в семьях болтают всякое. Вроде как они слишком уж дружны были, детей хотели поженить. И тут бах, на ровном месте... Помолвка, кстати, расторгнута.

– В смысле? – Рамиль чуть не подскочил на месте.

– Главой рода Куракиных стал наш общий друг и одноклассник Александр, – Байков положил утиную ножку в тарелку, – как единственный сын и наследник. По причине отсутствия мужчин у Терлецких главой рода стала мать Светы, Серафима Егоровна. К тому же Терлецкие потеряли несколько производств. Если говорить откровенно, то пара высокородных семей воспользовалась переполохом и попро-

сту их отжала. Большую часть забрал Уваров. Поэтому, даже умри Юрий Симеонович и Игорь Константинович порознь, теперь брак между их отпрысками напоминал бы банальнейший мезальянс. И это лишь в том случае, если бы Света и Саша любили друг друга.

– Меза... че? – не понял концовку Рамиль.

Димон не собирался отвечать на вопрос. Он с яростью голодного аборигена, выросшего в пустынной степи, вгрызся в жирную утку. На помощь пришел Мишка:

– Неравный брак.

Мне почему-то стало жалко Светку. Да, я не забыл, что она мне сделала. Но ее семья в один миг утратила былое величие. Из дочери Охранителя в несостоявшиеся невесты – это жестко. Да еще и фамильный бизнес под шумок ушел. Непонятно, что осталось Терлецким, но сам факт... И опять Уваров. Почему мне казалось, что он имеет к этой истории непосредственное отношение?

– Че, получается, повезло тебе, Макс, что со Светкой шуры-муры крутить не начал?

– Так, а вот с этого места поподробнее, – оживился дядя Коля. – Что там за Светка такая?

– Да есть у нас одна благородная девушка... – Рамиль подумал и добавил: – Такая вся загадочная...

– Тогда отбой, – отрубил отчим. – Вся проблема этих девушек с загадками в том, что они со временем превращаются в баб с ребусами. Нам такого не надо. Так что, Максим,

у тебя кроме этой Светки на горизонте нет достойных кандидатур?

– Да, Максим, – загорелись глаза у Рамиля. – Чего не пригласил никого? Ведьму какую или целительницу.

– Потому и не пригласил, чтобы таких вопросов не было, – ответил я, чувствуя, как краснеет шея.

Вообще я действительно подумывал о том, чтобы позвать Тихонову. Мы вроде как только начали встречаться, поэтому не хотелось бы торопиться. А знакомство с отчимом – это шаг серьезный. Почти как роспись в ЗАГСе. Пусть уж все идет как идет. Выразительный взгляд дяди Коли сказал, что он все понял и доставать меня не будет.

– Давайте лучше подарки дарить, – Мишка решил, что пора сменить тему. Он вытащил из обычного пакета, который отложил ранее, здоровенную книгу. – «Благородные магические семьи от „А“ до „Н“», 1902 года издания. Еле нашел. Там про Кузнецовых небольшой раздел.

– Спасибо, – я пожал ему руку и забрал подарок.

– Да, Мишка, ты в своем репертуаре, – Рамик закатил глаза, доставая коробку. – Есть хороший подарок, плохой и книга. Вот, бери пример, джибиэлевская портативная колонка. Аккумулятор 7,8, влагозащитная, суммарная звуковая мощность 30 Вт. И цвет нормальный, черный.

– Спасибо, Рамиль.

– Я, в общем, хотел сделать что-то особенное, – Байков поднялся на ноги. – Защитный амулет у тебя есть, второй не

нужен.

Я чуть летним салатом не поперхнулся. В том-то и дело, что нет. Но и бог с ним, не самое удачное время сейчас выяснять эти незначительные подробности.

– Поэтому вот, – Байков вытянул на ладони обычное золотое кольцо. Довольно сильно похоже на обручальное.

– Одно из двух, – прокомментировал Рамиль, – либо ты сейчас станешь уговаривать Макса отнести его в Мордор, либо предложишь руку и сердце.

Байков шикнул на друга, а вот дядя Коля шутку оценил. Откуда он знает, что такое Мордор?

– В общем, оно похоже на стандартное кольцо Земли. Только я поработал над структурой, мне не нравилась исходящая сила. Ну вроде как стало намного мощнее. Один момент, – Димон отдернул руку с кольцом как раз, когда я попытался взять его. – Я там нахимичил чего-то, сам еще не понял, чего. Но кольцо получилось разовое. После использования разрушится.

– Спасибо, Дима, – я ощутил магическую энергию от кольца сразу же, как взял его в руку.

Мне почему-то вспомнился теневик. За все это время я не сделал ни одной попытки выйти в Иномирье. Да и как, спрашивается, туда явиться? Мощных артефактов для моего могущественного «друга» не было. Все деньги ушли на дом, поэтому ничего нового я не прикупил. И времени прошло достаточно. Возможно, он меня просто позабыл. Хотя

я часто просыпался по ночам от леденящего душу воя, а когда садился на кровати, то пытался уловить в полной тишине хоть какой-то звук. Так или иначе, чем больше времени проходило, тем более явственно Иномирье становилось для меня дверью, в которую нельзя входить. Для собственной же безопасности.

Кольцо же подошло идеально. По понятным причинам, озвученным Рамилем, на безымянный палец я его надевать не стал. Зато такое ощущение, что указательный всю жизнь только этого момента и ждал. Артефакт сел как влитой. Чужая сила еще разок всколыхнулась, но тут же успокоилась, явно перейдя в режим ожидания.

– Ладно, теперь я, – дядя Коля поднялся на ноги.

Он вытащил с верхней полки небольшие ножны и кусок замотанной ткани.

– Ножны для твоего ножа фамильного. Я не очень понимаю, что такое пространственный карман, но нельзя, чтобы оружие там валялось без ножен. Порежешься еще, неровен час. И оселок. Каким бы магическим нож ни был, а точить его надо, – он развернул тряпочку и показал шлифовальный брусок, – вот, значит, бери. Ты прости, что не колонки всякие, я в них никогда не разбирался, а это вещи нужные...

– Спасибо, дядя Коля, – я обнял отчима.

Разве что-нибудь еще нужно для более удачного дня рождения? Оказалось, что да. Судьба в лице домового подкинула мне очередной сюрприз.

– Хозяин, – пропищал снизу Тишка.

– Ты тоже хочешь мне что-нибудь подарить? – улыбнулся я. – Смотри, придется удивлять.

– Вас там банник удивит. Он, как бы это сказать... разгневал водяного бога.

Глава 2

Банник был удивительно предсказуем лишь в одном. От него всегда стоило ожидать беды. Потапыч с легкостью эквилибриста влезал в самые авантюрные проекты, чтобы набить себе шишек на разные мягкие части тела. Ну и заодно всем тем, кто оказался поблизости. Способность у него была такая специфическая.

Но сегодня он удивил даже меня. «Разгневать водяного бога» – звучало внушительно. Пусть я вообще не представлял, что это за бог такой. Но что-то мне подсказывало: искать его нужно возле пруда.

Именно туда нас и повел домовый. Тишка волновался, высоко подпрыгивал, оборачивался на ходу. В общем, всем своим видом демонстрировал крайнюю степень возбуждения. Да и, сказать по правде, мы тоже были встревожены. А когда проскочили баню и выбрались к берегу пруда, так и вовсе офигели.

– Это че за фигня? – с присущей ему непосредственностью поинтересовался Рамиль.

– Водяной бог, – терпеливо, насколько мог, объяснил домовый.

Что сказать, выглядел этот представитель неизвестного религиозного культа внушительно. Ростом он превосходил нас раза в полтора. Лицо склизкое, приплюснутое, словно у

рыбы. На шее жабы, между пальцами перепонки, большая часть тела в чешуе. Я сначала подумал, что это самый обычный водяной. Ну хорошо, не совсем обычный. Переросток. Вот только у водяных рыбы хвосты, оттого они и на берег не суются. А наш новый знакомый уверенно двигался на своих двоих к испуганному Потапычу.

Кто это тогда? На водного элементаря тоже не смахивает. Того создают лишь отдаленно похожим на человека, не углубляясь в подробности. А этот был излишне детализирован. Даже срам не прикрыл. Хотя все функции элементаря он выполнял – стихия его слушалась.

Вода в пруду вспенилась, поднявшись в воздух несколькими столбами, которые попеременно падали на пытавшегося безуспешно отступить к бане Потапыча.

Я терялся в догадках по поводу происхождения этого существа. А время меж тем уходило. Хорошо, что со мной был Мишка и его лоб, по которому он хлопал ладонью каждый раз, когда ведьмака осеняло.

– Это тритон. Полуразумное магическое существо, подчиняющее себе стихию воды.

– Они же вроде все вымерли, – засомневался я.

– Нет, сказано, что их не видели более четырехсот лет, – поправил меня Мишка. – Они вроде как взяли и исчезли.

– Выходит, этот красавец не полуразумный, а разумный, – хмыкнул Рамиль. – Решил зашухериться поближе к Москве. Я бы тоже так сделал.

– Хватит болтать! – прикрикнул я. – Давайте Потапыча спасать.

Баннику действительно приходилось непросто. У него почти не осталось сил, чтобы сопротивляться стихийной магии тритона или пытаться убежать. А водяной здоровяк, напротив, подался вперед, собираясь выбраться из пруда и задать Потапычу.

Как бы я ни осуждал выходки банника и его методы выстраивания отношений с различными существами, раздумывать над тем, спасти его или нет, попросту не стал. Этот дуралей почти родственник – старенький, больной деменцией дядюшка, который появляется при гостях без штанов и доставляет кучу хлопот.

Перво-наперво в тритона прилетел здоровенный камень, составленный, в свою очередь, из более мелкой фракции. Ну да, есть у меня такая привычка – бросать разные предметы в полумразумных, почти вымерших монстров.

Тритон покачнулся и переключил внимание с банника на незадачливого волшебника. Понял, был неправ. Щас верну камешки, мне надо срочно облачиться в доспех.

Однако мощная струя, вырвавшаяся из невидимого брандспойта полумразумного, не достигла цели. Вода стала растекаться в паре метров от меня, словно наткнувшись на преграду. Ответом на вопрос «Какого?..» стал пыхтящий рядом Мишка. Ну да, водяной щит. Маг воды против собственной стихии, ну или наоборот. Однако Максимов меня сразу

«успокоил»:

– Макс, он очень сильный, я так долго не продержусь.

Ну да, я почему-то всех мерял по себе. А Мишка – обычный соискатель. Против такого древнего существа, да еще и действующего как волшебник, он долго не продержится. Байков тем временем пошарил в пространственном кармане и достал массивный медный обруч, который тут же надел на руку.

Не знаю, что это было и как называлось, но когда кулак Димона отделился от конечности и зеленым сполохом устремился к тритону, мне как-то поплохело. Несколько секунд понадобилось, чтобы понять: это какое-то особое заклинание. Вон и настоящий кулак Байкова остался на месте. Тот же, зеленый, похожий на легкое марево, немного разросся в размерах и попытался схватить тритона за шею. Без особых успехов.

– На него захват не действует, – с некоторой тревогой сказал Байков, точь-в-точь как игрок в карты, увидевший, что у противника одни козыри.

Я поглядел на Рамиля, но тот сразу замахал руками:

– На меня не смотри. Я маг огня, вот если бы это не тритон был, а кто другой...

Нет, надо срочно обезвреживать монстра. Потому что от дома к нам бежал уже дядя Коля, вооруженный вилами. Я его характер знаю. Он не посмотрит, что мы маги, попытается всех защитить. Только куда ему против этого монстра...

Я бросил Иглы, с удовольствием отмечая, как они вспарывают чешуйки, будто нож консервную банку. И тут же радость померкла. Потому что раны затянулись буквально сразу. Даже густая, почти черная кровь лишь слегка обагрила тело. Получается, заклинаниями разрушения мы много не добьемся. Откуда ты тут взялся, блин? Вот если бы можно было тритона куда-нибудь выкинуть подальше...

Мысль, ослепительная, как солнце в ясный день, вспыхнула в моей светлой шестнадцатилетней голове. А ведь вполне сработает, если хватит силенок! С другой стороны, я целый подмастерье. Можно сказать, взрослый маг средних сил. А таких было большинство. Должно получиться.

– Пацаны, отвлеките тритона!

Я быстро пересобрал доспех, превратив его в подобие сноуборда. Ну ладно, жалкое подобие, которое можно принять за таковой с очень дальнего расстояния и ночью. Суть в том, что я смог стоять на относительно ровной каменной площадке, пока тритон отмахивался от налетевшего с сильным ветром сора. Байков в деле!

Тут еще тритону начало прилетать небольшими ледышками по голове. Это уже подключился Максимов. В общем, самое время действовать. Камень вместе со мной неловко поднялся в воздух. Да, не все каникулы я провел за ремонтом, заодно немного и попрактиковался в стихийной магии. К примеру, опытные воздушники могли с легкостью летать. Конечно, Димону до этого еще далеко. К тому же надо по-

стоянно заниматься. Но я нашел в одном из прихваченных учебников лазейку, которая утверждала: ты можешь так же. Необходимо, чтобы под тобой находился какой-то элемент из родной стихии. И – вуаля!

Понятно, что до скорости стратегического бомбардировщика мне было далеко. Полет напоминал скорее первые испытания реактивного ранца, легкое планирование объекта, готового в любой момент рухнуть вниз. Тут главное не потерять концентрацию. Иначе потом костей не соберешь. Спасибо Коршуну и его бабочкам, с этим был полный порядок.

Плита со мной, чуть покачиваясь, потихонечку набирала скорость. Внизу застыл побледневший дядя Коля, всем своим видом осуждающий меня. Плюхнулся на задницу Потапыч, шевеливший губами и даже не пытавшийся убежать. Продолжали тратить силы друзья. Ладно, не все. Рамик так и стоял с открытым ртом, словно на интересном представлении.

Тритон был уже близко. Семь метров, пять, три... Все. Я с диким волнением отломил кусок камня, зажав его в руке. Потому что ключом мог быть любой предмет. А другой рукой коснулся монстра. Он почувствовал мое присутствие и даже попытался повернуть голову. Но было уже поздно.

Движения тритона замедлились, потому что мы вошли в Коридор. Я закашлялся, грудь сдавило, в висках застучало. Такого количества силы за одно мгновение терять еще не доводилось. Стали возникать всякие плохие мысли, вроде «А

как теперь возвращаться?» Нет, не сейчас, не время для сомнений, нужно идти дальше!

Тритон уже рванул к застывшему разлившейся ртутью пруду. Не знаю, понимал ли он, что сейчас происходит. Но явно осознавал, что ничего хорошего. Я поднял небольшую палку из-под ног, на ходу наливая ее силой, и бросился следом.

На меня сработала масса тритона. Коридор – пространство между мирами, место странное. Ты всегда здесь движешься медленно, будто прорываешься через густую патоку. И, по логике, чем больше твое тело, тем быстрее ты должен двигаться. Но логика и это место явно не стояли рядом. Монстр, напротив, замедлился и стал похож на замерзшую в янтаре букашку. Догнать его не составило труда.

И вот мы уже стоим обдуваемые холодным промозглым ветром. Чем хорошо Иномирье: даже оказавшись в незнакомом месте, ты чувствуешь, что был здесь. Есть плюсы в безжизненной снежной пустыни. Минус... Да все остальное – один большой минус.

Тритон заорал, будто его ножом резали. Кто знает, может, предчувствовал, чем грозило ему неожиданное путешествие, на которое он даже не смел рассчитывать. Монстр заворочался, завертел рыбьей головой, пытаясь найти своего обидчика. Это у него получилось довольно быстро. Я даже кивнул, встретившись с ним взглядом. Глупо, конечно, теперь мы вряд ли отношения восстановим.

По идее, сейчас должно было начаться сражение. Вон этот красавец даже снег начал поднимать, все ж таки его стихия, а я, напротив, припал набок, держась окровавленной рукой за не менее окровавленную ногу. Больше того, вся правая сторона тела оказалась будто стесана громадным рубанком. Зато теперь я знаю, что бывает с магом, который очень хочет переместиться в другой мир, но не обладает должным количеством силы. Некто всемогущий будто пропустил меня, взяв небольшой штраф. Понятно, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Более того, я даже не задумывался, как буду возвращаться.

Поднявшаяся пурга колола лицо, крупные льдинки оставляли на коже легкие порезы. И в довершение всего тритон неуклюжими движениями подошел ко мне и приподнял за грудки.

Я закричал, не особо сдерживаясь. Ну а кого тут стесняться? Тритоша уже почти как свой. Ему, кстати, здесь нравилось не больше моего. Пусть он и был амфибией, но явно предпочитал воду суше. А тут вообще непонятно что. И ни единого намека на то, что где-то за очередным склоном Волга впадает в Каспийское море. Тут не было никого, кто мог помешать монстру расправиться со мной. Ну почти никого.

Теневика я почувствовал на третьей-четвертой секунде пребывания в Иномирье, просто отреагировать должным образом не успел. Сначала этот разодранный бок, потом диалог без слов с тритоном, следом – мысли о скорой смерти. Но

с каждой новой секундой аура теневика становилась все явственнее. Более того, монстр, держащий меня, тоже беспокойно завертел головой. Да, я знаю, мой новый иномирный друг такой: его легко найти, трудно потерять и невозможно забыть.

От школы, где я оставил озлобленного приятеля, до моего имения путь был неблизкий. Теневик пробежал его меньше чем за минуту, явно ставя новый спринтерский рекорд Иномирья. И буквально ворвался в нашу с тритоном интимную обстановку, причем действовать стал более чем радикально.

Монстр – это я сейчас про водяное создание, а не милую потустороннюю ящерицесобаку, – конвульсивно дернулся и отпустил меня из цепких лап. Все дело в том, что теневик одним резким движением попросту сожрал половину головы тритона. И теперь потягивал силу из умирающего существа, словно коктейль с помощью трубочки.

Я, с изначально разорванным боком, а следом еще и ударившийся при падении, смотрел на эту картину и даже боялся дышать. Теневик расправился с моим обидчиком слишком легко, будто боксер-профессионал, уложивший юниора в первом раунде. Собственно, на это и был расчет. Теперь вопрос совершенно в другом. Во-первых, как поведет себя голодное сверхсущество? Во-вторых, каким волшебным образом мне вернуться?

Теневик дернулся, постепенно приближаясь. Его могучие мышцы перекачивались толстыми жгутами под крепкой ко-

жей. Хвост с двумя шипами тревожно ходил то вправо, то влево, а глаза пытались прожечь меня насквозь. Думаю, у теневика было много что мне сказать, и с большой вероятностью – малоприятного.

Его пасть придвинулась так близко, что я почувствовал влажное дыхание могучего существа. Даже злость какая-то взяла. Да-да, я видел, что ты у нас спец по вскрытию голов и высвобождению силы. Чего тянуть? Хоп – и дело с концом.

На мгновение мне даже показалось, что теневик фыркнул. Точнее, он громко и быстро выпустил воздух, а только после этого открыл пасть. И меня обдало силой. Сырой, несформировавшейся, едва поглощенной. Силой тритона.

Длилось это совсем недолго. Однако, когда теневик сомкнул кинжальной остроты зубы и неторопливо пошел прочь, внутри меня за клубилась сила. Пусть ее было относительно немного. Ровно столько, чтобы перейти обратно. Я это чувствовал, я это осознавал. Вот так подарок...

– Спасибо, – сказал я вслед дрожащим от волнения голосом.

Теневик на мгновение замер, вильнул хвостом и продолжил движение. Довольный и сытый, впервые за многие годы. Невероятно. Все-таки получилось! Даже лучше самых смелых ожиданий. Он со мной поделился силой! В голове родился хитрый бизнес-план. А что если приволакивать сюда всяких магических существ и расщеплять их? Всем одна сплошная польза. Понятно, что и тварей надо выбирать ис-

ключительно по степени полезности для людей. Точнее, наоборот, бесполезности. Вопрос в другом: к чему это приведет?

Философские темы и проблемы межмирового масштаба я решил отложить на неопределенный срок. Сейчас существовали более насущные дела. К примеру, как не задубеть на этом ледяном ветру?

Переход вышел простым и незатейливым. Что интересно, силы хватило ровно для перемещения обратно. Ни больше ни меньше. Я предстал перед взорами друзей и отчима, которые почему-то не торопились радоваться моему возвращению. Напротив, глаза их оказались наполнены ужасом. После чего они будто ожили, решив, что самое время двигаться с невероятной скоростью.

– Бинты, надо в скорую позвонить! – дядя Коля бросил вилы.

– Можно прижечь, – предложил Рамиль.

– Я тебе прижгу! – вступился за меня Байков.

– Погодите, не надо ничего прижигать, – ответил Мишка.

Он вытащил какую-то пузатую склянку с оранжевой жидкостью и стал крепко поливать ободранную при переходе в Иномирье сторону. Что удивительно, рана начала на глазах подсыхать и покрываться коричневой коркой, точно кожу содрали минимум неделю назад.

– Зелье быстрого свертывания. В конце прошлого года проходили. Там ингредиенты простые, всего-то...

– Мишка, я тебя ценю и уважаю, но вряд ли здесь кто-то будет на серьезных щах его готовить. Ты у нас единственный ведьмак.

– Оставишь пузырек? – поинтересовался отчим и, получив от Максимова утвердительный ответ, успокоился.

– Вы лучше скажите, где этот красивый и умный банник, который решил разбудить на кой-то ляд тритона, – спросил я. – Надеюсь, он живой. Хочу убить его лично.

Друзья начали озиаться в поисках Потапыча, но тот будто в воду канул. Хотя это я так, образно. В водоемах банник, как выяснилось, купаться был не большой охотник.

Мы бы так и терялись в догадках, если бы перед глазами не появился Тишка, да не один: за шкурку домовой держал банника.

В любой другой ситуации Потапыч бы не дался. По силе они были равны. Но бой с тритоном измотал банника, чем домовой и воспользовался. Ох, Тишка, боюсь, ты разбудил великана. И в гневе он тебе вряд ли понравится.

– Вот, – почти как мешок, полный куропаток, домовой бросил банника к моим ногам.

– Что это у тебя за пазухой? – я сразу обратил внимание на мокрую оттопыренную рубаху.

– Да так... Мелочи.

Было видно, что Потапыч судорожно пытается что-то придумать, но ничего не идет в голову. Несмотря на вялые сопротивления, выудил на белый свет небольшую потертую

шкатулку. Непонятно, сколько лет она пролежала на дне пруда, но что-то мне подсказывало, что эта штучка весьма ценна. Не стал бы Потапыч пытаться достать какую-нибудь хрень.

– Ну, мой дорогой, – сказал я, положив руку на плечо банкину, – а теперь ты расскажешь мне все.

Глава 3

Потапыч обладал небывалой хитростью, к которой можно было применить лишь один эпитет – «крестьянская». Это когда ты считаешь себя самым ловким и изворотливым, однако проблема в том, что на поверку оказывается: так считаешь только ты. Копнешь чуть поглубже – и выяснится, что все твои «гениальные» комбинации на самом деле – банальная жадность, граничащая с глупостью.

Вся история заключалась в следующем. Банник, возможно, действительно обладающий некой чуйкой ко всякого рода обогащению, почувствовал на дне пруда наличие чего-то ценного. Ну и, недолго думая, решил воспользоваться ситуацией (это когда хозяин и все домочадцы отвлечены празднованием дня рождения). Как ни презирал он температуру воды ниже двадцати шести градусов, но все же занялся подводным плаванием. И его любопытство вознаградилось драгоценной шкатулкой, которая, правда, почему-то оказалась в руках обглоданного дочиста обитателями пруда скелета. Но когда это останавливало Потапыча?

Банник, не дожидаясь понятий, произвел изъятие и уже собирался убраться восвояси, но был вынужден познакомиться с еще одним интересным существом. Да-да, именно с тритоном. По словам Потапыча, тот «из ниоткуда появился, вот те крест, хозяин».

Собственно, банальная история для мира магов. Исчезнувший с радаров древний монстр, который охраняет клад. Тут бы даже Рамик не удивился, если бы не еще одна интересная деталь. На шкатулке был изображен фамильный герб Кузнецовых. И что-то мне подсказывало, что останки на дне пруда принадлежат одному из моих родственников.

– Можно обратиться в архив, узнать, кто из Кузнецовых пропал без вести, – выступил с предложением Максимов, сразу же как мы вернулись обратно к торту.

– Дядя Коля, фу, что за вонь? – скривился я, глядя на суету отчима. – Не надо ничего, так все пройдет.

– Максим, не думал, что когда-нибудь скажу такое, но не спорь со старшими. Мазь Вишневского всех на ноги ставит. Это я виноват, нормальную аптечку не собрал.

– Можно просто кое к кому наведаться, – пожал плечами Рамиль. – Фамилия начинается на «Ти», а заканчивается на «хонова». Она Макса быстро на ноги поставит.

– Это идея, – поддакнул Байков.

– Ничего не надо, – отмахнулся я, – до свадьбы заживет.

– Не слишком дорогая цена для лечения? – прыснул Рамиль.

– Че вы ржете, дураки? – я посмотрел на Рамика и Димона. – Так говорят просто.

Напряжение постепенно проходило. Даже у меня уже не дрожали колени.

– Хотя есть более простой способ, – Мишка продолжал

жить в своем мире. – Не факт, что там будет вся информация, но хоть что-то написать были должны. Максим, где книга, которую я тебе подарил?

– Вон же лежит, – я указал на комод. – Лучше скажите, как шкатулку открыть.

– Она тут с каким-то секретом, – ответил Байков. – Придется повозиться.

– Максим, а ты куда тритона дел? – спросил Рамик.

– Ох, там все сложно. В общем, помните мои тренировки по проходу в другой мир?

Чем дольше я рассказывал, тем больше вытягивалось лицо моего татарского друга. Да и Байков перестал возиться со шкатулкой, ловя каждое слово. Дядя Коля, даром что был здоровый мужик, по общему выражению лица так и вовсе находился в полубоморочном состоянии. Один только Мишка как ушел с головой в книгу, так и не торопился возвращаться.

– Я думал, что ты прикалываешься по поводу этого Иномирья, – признался Рамиль. – Типа троллишь.

– Вот, нашел, – Мишка вскочил со стула и сунул книгу мне в руку.

«Кузнецова Марія Семеновна, прозванная за свои физическія недуги Хромоножкой, пропала безъ вѣсти шестаго іюня тринадцатаго года. Послѣдній разъ её видѣли близъ имѣнія Кузнецовых».

Я пробежался дальше и обнаружил еще немного инфор-

мации про Марию Семеновну. Точнее, крохи информации. Выходило, что это моя троюродная прапра... В общем, дальняя родственница. Детей у нее не было, мужа тоже. Ничем особо не выделялась.

– Похоже, что на дне пруда действительно она.

– Ну? – Мишка чуть не приплясывал. – Я нас есть кости, у нас есть кровный родственник. Надо проводить ритуал!

– В смысле мы ее дух вызовем, что ли? – поежился Рамиль. – Может, не надо?

– Кровный ритуал вызова предка на костях, – Максимов сгорал от нетерпения. – Я такое только в книжках читал.

Признаться, мне тоже было не по себе. Пусть мы на спиритизме и изучали всякие методы общения с мертвыми. Но призыв духов всегда часто заканчивался не совсем так, как хотел ты. У неупокоенного (а с Марией Семеновной именно такой случай) может оказаться вздорный характер, или он попросту не захочет общаться. Да мало ли там переменных?

– Так, пацаны, сегодня точно никаких ритуалов, – отрубил дядя Коля. – Вы на Максима посмотрите, на нем живого места нет.

Мишка сразу потух, а я с благодарностью поглядел на отца.

Постепенно под грозным взглядом дяди Коли разговоры перешли в другое русло. Про школу, близящийся практикум, дальнейшее распределение и прочее, прочее. Хотя увлекающийся Мишка и пытался время от времени вернуться к ри-

туалам, костям, кладам, отчим был непреклонен.

На ночь мы оставили всех у себя. Теоретически Байков мог бы мотануться обратно, а вот Рамик с Максимовым – точно нет. Силенок бы не хватило. К тому же Мишка еще потратился, сражаясь с Тритоном. Димон же заранее предупредил дядю, что может задержаться на пару дней. Потому спустя несколько часов из дальней гостевой комнаты раздавался могучий храп благородного мага и недовольное бурчание Рамика:

– Будто снова на первый курс попал. Я уже и забыл, как громко он храпит.

Мне ночь далась тоже довольно непросто. Во-первых, сны были какие-то жутковатые. С покойниками и черной водой. Во-вторых, стоило перевернуться на правую сторону, как боль заставляла просыпаться. Вот тебе и сходил покормить зверушку...

Утро действительно оказалось мудренее вечера. Немного поразмыслив, я решил согласиться с Мишкой и провести ритуал. Только отложил его еще на неделю, чтобы набраться сил и подготовить все лучшим образом. И заодно кое-что перепроверить. А пока попрощался с друзьями.

– Мне понравилось, – сказал Рамиль. – Офигенный день рождения. Давай в следующем году какую-нибудь гидру завалим.

После проводов гостей я подготовил запрос в архив благородных семей. Для этого пришлось скататься до местного от-

деления Конклава. Через три дня пришел официальный ответ. За период с 1866 года (когда семье и пожаловали магическое дворянство) по 1917 год без вести пропал лишь один Кузнецов. Вернее, Кузнецова. Та самая Мария Семеновна. Ну хорошо, мы хотя бы выяснили, кому точно принадлежит скелет.

С ритуалом тоже возникли сложности. Потому что банник и домовый категорически отказывались поднимать останки моей родственницы. Пришлось снова вызывать Байкова с Максимовым. Мишка развел в стороны воду, обнажив дно. Последнее я укрепил заклинанием земли, потому что шагать по зыбкому илу – занятие малоприятное. А уже когда мы подобрались к нужному месту, Димон телекинезом аккуратно поднял скелет и вытащил его на берег. Дядя Коля, оставшийся на суше, лишь удивленно качал головой.

Ну а потом началось самое интересное. Мы сделали круг из соли, чтобы у поднятого беспокойного духа не появилось соблазна вырваться и нанести нам какой-нибудь вред. Я достал фамильный нож, сделал им небольшой порез и капнул кровью на череп. А потом сразу же отошел за соляной круг.

– Кровь от крови, плоть от плоти, дух от духа, поднимись. Покажи свои последние часы.

Силу в ритуал я вкладывал бережно, увеличивая постепенно, пока наконец кости не стали чуть подрагивать, будто находились в сейсмически опасной зоне. От них повалил густой темный дым, который постепенно обрел очертания жен-

щины.

– Ладушко... Свет очей моих, приди. Принесла приданое, как и было обещано.

С каждым мгновением черты лица Марии Семеновны становились все более отчетливыми. Надо отметить, ее нельзя было назвать совсем некрасивой женщиной, скорее самой обычной. Неупокоенный дух шагал, сильно припадая на левую ногу, и вместе с тем оставался на одном месте. Соляной круг работал.

Только теперь я разглядел в дрожащих пальцах бесплотного существа ту самую шкатулку. Мария Семеновна держала ее на вытянутых руках, будто кому-то показывая.

– К тебе в дом войду, стану хозяйкой, только прими...

В тот самый момент, когда крышка шкатулки скрипнула и почти открылась, неупокоенная стала терять очертания. Ее руки обратились в черный дым, лицо вытянулось, глаза загорелись желтым огнем. Над берегом разнесся протяжный вой, и нечто, уже меньше всего похожее на человека, бросилось на меня.

От испуга я попятился назад, споткнулся и упал на задницу. Благо ничего страшного со мной не произошло. Дух, столкнувшись с соляной преградой, еще какое-то время вопил, черным дымом беснуясь взаперти, после чего постепенно исчез, словно его сдуло ветром. Ритуал был прерван.

– Это еще что такое было? – спросил я ребят.

– Не знаю, – Мишка находился, наверное, в большом недо-

умении, чем я. — Мы все правильно делали. Нож магически привязан к тебе, кровь твоя, кости...

— И никто не успел посмотреть, как она шкатулку открыла?

— Нет, — в один голос ответили Байков и Максимов.

— Пацаны, будет вам над покойницей издеваться. Давайте похороним по-человечески, — вмешался дядя Коля, которому этот ритуал тоже пришелся не по вкусу.

Так закончилась история Кузнецовой Марии Семеновны. В дальней части имения отчим собственноручно вырыл ей могилу. С другой стороны, мне хоть что-то стало ясно. Хромая женщина, не нашедшая себе счастья с обычными мужчинами, каким-то образом обнаружила в имении тритона, который в определенной мере походил на человека. Видимо, как-то нашла с ним общий язык. И в конечном итоге решила связать с ним судьбу. Даже приданое принесла. Понятно, что закончилось все не очень. То ли тритон убил свою пассию, то ли уволок в «свое царство» — под воду, соответственно, где, по известным причинам, Кузнецова и умерла.

Конечно, грустно это все. Но, как человека практичного, меня интересовала теперь только судьба шкатулки. Приданое — это явно что-то ценное. Поэтому, недолго думая, я отдал ларчик с секретом Байкову. Если уж он не откроет, этого не сделает никто.

Вместе с тем, медленно и неотвратно, подошли к концу каникулы. И вот я уже стою на пороге фамильного особняка

в ожидании автобуса.

– Максим, пожалуйста, не влезай ни в какие неприятности, – напутствовал меня дядя Коля. – И будь осторожен. Ваш мир очень уж опасен.

– Так я и не собираюсь, – честно ответил я.

– Фуф, еле успел, – Потапыч выскочил из дома, таща за собой какие-то тюки. – Хозяин, неужто ты решил один уехать?

– А ты со мной? – искренне удивился я.

– Ты ж без меня пропадешь, – ничуть не смущаясь, будто и не было происшествия с тритоном, ответил банник. – Я на душу такой грех не возьму.

– Возьми его с собой, Максим. Так лучше будет, – кивнул отчим.

Не знаю, по мне, фразы про «не влезай в неприятности» и «возьми его с собой» немного противоречили друг другу. Что-то мне подсказывало, что банник намылился в школу, преследуя исключительно свои цели. Однако поспорить не удалось. Потапыч уже юркнул в пространственную баню со своей поклажей. И почти сразу подошел автобус.

– Ты почему так мало писал? – не успел я зайти, как на меня обрушились кулачки Тихоновой.

Пришлось рассказывать про плохой мобильный интернет, необходимый ремонт и еще придумывать кучу отмазок. Про тритона, клад и неупокоенную душу родственницы я предпочел умолчать. Хотя Вика и допытывалась, где я так ободрал правый бок. Целительница, что с нее взять. Сразу все

чувствует. Даже подлечила немного, совершенно не спрашивая у меня на это разрешения. Ну и еще уволокла в заднюю часть автобуса, требуя компенсацию за пару месяцев разлуки.

В школе нас встречали сразу Козлович и Щербатый. Викентий Павлович по-прежнему оставался куратором, но в основном за нас теперь отвечал Ментор. К примеру, началось все с того, что волшебники со всеми чемоданами отправились в Башню. Кончилась лафа в виде совместных посиделок. Теперь встречаться с Байковым и Максимовым придется либо за завтраком, либо на общих уроках.

Цокольный этаж Башни я уже видел во время путешествия за Книгой Трех. В дополнение нам лишь открылись жилые комнаты, которые располагались по кругу гостиной, душевая с туалетом и «практикантская». Она находилась в конце того самого темного коридора и сейчас была закрыта.

Комнатки оказались не в пример меньше, чем во флигелях. Всего лишь пара кроватей в два этажа, длинный стол – видимо, делать уроки предполагалось по очереди, – один шкаф. С другой стороны, вместе со мной поселились Зайцев, Рамиль и Азамат. Поэтому, наверное, сильно драться за место для учебы мы не будем.

Так начался третий, последний год в Терново. Утром, в одно время с первым курсом, мы ходили на учебу. Занятия в клубах вроде как и продолжались, но вместе с тем в каком-то облегченном виде, особенно по сравнению с прошлым го-

дом. Будто нас для чего-то берегли. И именно это рождало некое гнетущее впечатление. Вроде как надо было наслаждаться последними теплыми деньками, но до конца расслабиться не получалось.

Развязка наступила в середине сентября, когда нас всех собрали в большой аудитории. О серьезности проводимого мероприятия свидетельствовало наличие завуча, куратора и сразу трех Менторов.

– Дорогие ученики! Многие из вас обучаются в нашей школе по программе отработки. Иными словами, после завершения Терново вам будет необходимо отработать определенное количество времени в одной из структур Конклава. Сейчас всем раздадут листы, где нужно отметить подходящее направление для работы и прохождения практикума.

– Смотри, Зыбунина с тебя глаз не сводит, – шепнул мне Рамиль, пока раздавали бумагу для заполнения.

И это было правдой. Куда бы я ни повернулся в последнее время, мог быть уверен, что встречу со взглядом ведьмы. Даже за Вику переживать стал, как бы порчу какую не наслала.

– А Терлецкую и вовсе отсадили от благородных, – не унимался Рамиль.

Вообще это было не совсем так. Сидела Света как раз вместе с Аней Горленко. Тут, скорее, дело в том, что высокородные раскололись. После расстроенной помолвки девчонки стали держаться отдельно, хотя и здоровались с куракин-

ской компанией, правда, сквозь зубы. Одно дело, когда Саша бегал за Светкой. Ей вроде и не особо это нужно было. И совсем другое, когда он сам передумал жениться.

Интересно, что именно в этот момент Терлецкая, будто почувствовав, как я смотрю на нее, повернула голову и улыбнулась. Сразу в груди защемило. Что, конечно же, не осталось незамеченным для Зыбуниной.

Ну нет, сами уж разбирайтесь. Я опустил глаза на листок с уборым списком. Справа от каждого наименования стоял коэффициент. И некоторые из них были повышенными. К примеру: «Экспериментальный отдел по работе с неустойчивыми древними артефактами. Министерство науки» или «Смертельные яды. МВДО». Время отработки мне подходило, всего два года вместо трех. Однако эта работа для артефакторов и ведьмаков. В середине списка нашлось и кое-что для волшебников: «Охрана жизни немощных и магов. МВДО». Я поставил галочку, написал сверху фамилию, а снизу оставил автограф. Все, готово.

– Я тоже туда, – Рамиль заглянул мне через плечо. – Вместе веселее.

– Если мы вместе попадем, – ответил я. – Сам же помнишь, там все выборочно происходит.

А потом началось кое-что еще более интересное. Завуч подняла руки, и собранные листки стали разлетаться по аккуратным стопкам.

– Сейчас мы будем формировать шестерки, – комменти-

ровала она свои действия. – В течение года они могут меняться, если кто-то из учеников решит прервать учебу самостоятельно или...

– Погибнет, – вякнул Куракин.

– Или не завершит практикум, – поправила его завуч. – По традиции начинаем формировать шестерку с самого сильного мага, – она вытянула руку, и в ней оказалось ровно шесть листов. – Итак, первый – Максим Кузнецов, волшебник.

Я с волнением посмотрел на друзей и стал ждать, кто же окажется в моей группе.

Глава 4

– Второй – Александр Куракин, волшебник, – вещала за-вуч.

Высокородный пренебрежительно посмотрел на меня, пытаясь во взгляде выразить свое отношение. Но все же актерского таланта не хватило. Ну да ладно, ничего страшного, всегда должен быть раздражающий фактор. Как сказал бы Потапыч: «На то и шука, чтобы карась не дремал». Могло оказаться и хуже. К примеру, если бы в довесок к Куракину определили одного из его друзей.

– Третий – Сергей Аганин, артефактор.

Ладно, беру свои слова обратно. Постепенно день переставал быть томным. Помнится, в последний раз эти ребята меня хотели убить. Да, пусть тогда все закончилось хорошо. Покойный Куракин-старший впоследствии имение, можно сказать, подарил, но меня начинали одолевать смутные сомнения по поводу успешного прохождения практикума.

– Четвертая – Светлана Терлецкая, волшебница.

А вот теперь стало откровенно кисло. Даже ссора высокородных не облегчала положения. Такое ощущение, что я чем-то проштрафился перед Елизаветой Карловной, и она отыгралась по полной. Потому что шестерка начинала все больше напоминать задницу.

– Пятая – Екатерина Зыбунина, ведьма.

Хорошо, немного поторопился, вот теперь полная задница. Интересно, на какой день Света и Катя поубивают друг друга? И дело даже не в возможной симпатии Светки ко мне. Думаю, ей уже давно плевать. Просто волшебница и ведьма испытывают такие неподдельные и сильные обоюдоненавистные чувства, что аж кушать не могут. Интересно, девчонки кинутся рвать волосы друг другу раньше, чем со мной захочет разобраться Куракин, или нет? От последнего кандидата я уже не ждал ничего хорошего. У меня, правда, враги почти закончились. Но уверен, завуч что-нибудь способна придумать. Однако она решила подсластить пилюлю:

– Шестой – Рамиль Шафидуллин, волшебник.

– Я ж говорил, – ткнул в бок татарин. – Я фартовый. Будем друг за другом приглядывать.

– Где ж твой фарт раньше был, – вполголоса ответил я, слушая, как формируется вторая шестерка.

Мои друзья всплыли лишь в четвертой группе. Вместе, конечно же. Туда еще добавили несколько ботанов. Димона, как самого сильного в шестерке, вызвали первым.

К моему удивлению, Вику не включили ни в одну из групп. Елизавета Карловна лишь торопливо подошла к ней и что-то шепнула на ухо. А Тихонова в ответ кивнула. Ладно, надежды все равно особой не было.

Меня больше интересовало другое. Ну, я – понятно, с Рамилем тоже вопросов нет, у него голова – не самая важная часть тела, но чего высокородных понесло «в поле»? Это

наиболее опасный практикum, оттого и коэффициент высокий. Как и мне, нужна хорошая отработка? Да в жизни не поверю. Эти ребята родились с серебряной ложкой во рту. У них все будущее наперед оплачено.

– Инструктором «боевиков» назначается Валерий Валентинович. Он ждет вас на тренировочной площадке, где выдаст все указания.

– Инструктором «ученых» назначается...

Я перехватил Байкова на входе, поделившись своим недоумением. На что получил довольно логичный и исчерпывающий ответ:

– Дело не в отработках. Высокородные, да и многие благородные из древних фамилий должны проявить себя. Показать, чего они стоят. Раньше войны были, все на службу шли. А теперь – МВДО. Не факт, что потом высокородные туда отправятся. Но практикum должны пройти достойно. Чем опаснее, тем лучше. Знаешь, что первое спрашивают у ученика при знакомстве?

– Каким воздухом дышит и кто сам по жизни? – спросил шагавший рядом Рамиль.

– Почти. Что заканчивал и какой практикum проходил. Это вроде лакмусовой бумажки. Наверное, тот же Куракин и рад отсидеться где-нибудь на производстве артефактов или в архиве, как Мишка, но позволить себе такого не может.

– Кузнецов, долго мне тебя ждать?! – Коршун увидел меня издалека.

Вот это он придирается. Да, из-за разговора с Байковым мы немного отстали от группы, но рядом со мной шел Рамиль. Надо же было именно до меня докопаться. Пришлось ускоряться.

«Боевых» групп у нас вышло четыре. Собственно моя, горленковская, тинеевская и никифоровская. Последняя – откровенно слабая. Магов там оказалось пять, а не шесть. Все – сплошь соискатели. Да еще ни одного благородного. Чуть больше повезло Тинееву. К нему занесло пару дворян средней руки, прочие были разночинцами. Несмотря на мозг размером с грецкий орех, думаю, Владислав быстро наведет среди них образцовый порядок. В конце концов, на руководящей должности обилие ума иногда может даже навредить.

Любопытной оказалась группа Вити Горленко. Помимо его же сестры (как мы выяснили, у высокородных не было особого выбора, куда отправиться на практикум), в нее вошли Зайцев, Тусупбаев, артефактор из благородных по фамилии Михайловский и ведьма Гришина, невзрачная тихоня из разночинцев. Тут даже Азамат (как его вообще занесло в МВДО?) не портил картины.

То ли дело моя группа. Буквально кривое одеяло, сшитое из разных лоскутов. Почему-то вспомнилась басня Крылова «Лебедь, рак и щука». Только у меня сюда добавился гордый индюк, самолюбивая гусыня, ну и Зыбунина.

– Меня вы знаете, – без всяких прелюдий начал Коршун, – я буду готовить вас для выполнения различных заданий. Как

вы понимаете, тихо в нашем мире не бывает. И немощным, и магам всегда угрожает опасность. В каждой группе есть лидер. Его называли первым. Это не случайно. Вся группа слушается его безо всяких возражений. Лидера могу менять только я, в том случае если минимум половина группы выступит с подобным пожеланием. С этим проблем не будет?

Коршун вплотную приблизился к Куракину и так на него посмотрел, что даже я испугался. Саша, даром что теперь глава одной из высокородных фамилий, торопливо замотал головой. Наверное, мне должно было стать спокойнее, мол, инструктор лишний раз подтвердил правомерность моего положения в шестерке, однако именно спокойствие и не приходило.

– Мы будем отрабатывать различные ситуации. И когда я решу, что группа готова, вы отправитесь на пришедший вызов.

– Одни? – дал петуха Витя Горленко, заставляя большую часть практикантов засмеяться.

– Смешно?! – взревел Коршун, мигом стерев улыбки с наших лиц. – Наверное, вам будет смешно до тех пор, пока вы не встретите реликтового беса в чаще леса. Или сумасшедшего лесовика, решившего, что он теперь питается не грибами, а плотью. Или вервольфа, вышедшего на охоту в лунную ночь... Как минимум на первое задание вы отправитесь не одни. Иначе, чего доброго, еще поубиваете друг друга. Так?

Коршун снова склонился над Куракиным, и тот повторно

замотал головой.

– Всем отдыхать, после обеда тренировка. Кто опоздает, очень об этом пожалеет!

Собственно, слова Коршуна никого не повергли в шок. Все и так давно знали о дрянном характере препода. Члены групп на обратном пути только грустно вздыхали. Якут уже казался не таким ужасным и грубым. Что называется, все познается в сравнении. Кстати, интересно, где Якут? Я его с начала учебного года так и не видел.

Не думал, что скажу такое, но я соскучился. Он стал для меня чем-то средним между суровым дядькой и старшим братом. Якут всегда старался направить меня по верному пути. Причем обустроивал все так, чтобы я сам пришел к нужному варианту. У Коршуна было проще: есть два мнения – его и неправильное. Можешь выбрать последнее, но тогда будешь страдать. Если тупой и не понял, объясню еще раз, но уже громче и со сталью в голосе. Есть два мнения!..

И даже откровение Коршуна в конце прошлого года – мол, я один из немногих достойных – скорее работало против меня. Инструктор считал своим долгом при любом удобном случае намеренно усложнить задачу кузнецовской группе. Что, само собой, не располагало к сплочению моей шестерки. Спустя неделю Куракин в открытую говорил, что с таким лидером, как у них, мы попросту не получим вызов. И в его словах была определенная логика. К концу сентября мы заработали зачеты лишь по трем промежуточным испытани-

ям. Результат, поражающий воображение, такой же, как и у группы Никифорова. Туповатый Тинеев и трусоватый Горленко вырвались вперед. С другой стороны, в этом плане к Куракину тоже было много вопросов.

– Лиховетцы неприметные, надо двигаться медленно, иначе можем их попросту не заметить, – командовал я на очередном задании.

– Тихо? – усмехнулся Куракин. – Смотри, грамотей, вот их как ловят.

Саша вытянул руку и указал на Аню Горленко, которая, растеряв всю высокородность, гналась за мелким, чуть выше колена, человечком – одним из злых духов, только, в отличие от того же банника, действительно пакостником. Не сильно вредный, убить не убьет, но помучить сможет. Коршун сказал, что задание пройдет тот, кто поймает больше всего лиховетцев. И вроде Куракин все говорил правильно, так почему у меня какое-то плохое внутреннее предчувствие?

– Он приведет к остальным, – сказал Саша и бросился то ли за лиховетцем, то ли за Аней Горленко.

– Подождите, тут что-то не так! Лиховетцы прячутся, а не бегают по лесу!

Это я уже крикнул вслед своей шестерке. Точнее, тройке. Зыбунина, подобно Хатико, осталась рядом, а Рамиль с зеваящим видом глядел на спринт высокородных. Этот, не получив прямого приказа, палец о палец не ударит. Но все-таки мне пришлось шагать за Куракиным. Хорошо, что недолго.

Его я обнаружил в небольшой ложбинке уже собирающимся применить заклинание против испуганной Ани.

– Только попробуй, – негромко сказал я.

– Она нас за нос водила! – гневно шипел он. – Нет тут никакого лиховетца. Это Морок, ею же и созданный.

– Брат сказал увести вас обманом подальше от оплота лиховетцев, – Аня искала во мне защиту. – Они в лесу.

– Все правильно, – я понял, что мы в очередной раз провалили задание. – Молодец, Куракин.

– Это твоя идея была побежать за ней, – парировал Саша.

– Что? – я не нашелся что сказать, настолько тупой и очевидной была ложь.

– Да пропусти уже, – высокородный оттолкнул меня, – только время здесь с тобой потеряли.

Я задыхался от возмущения. Одна команда, да? Должны слушаться лидера, да? Куракин с Аганиным имели на это свое веское мнение. Что до остальных – они вроде и слушались. Ключевое слово – «вроде». Терлецкой, видимо, действительно тяжело далась смерть отца, потому что она напоминала живого зомби. Приказ получен – приказ выполняется. И зачастую плевать, кто его отдал. Зыбунина так и вовсе чуть ли не из юбки выпрыгивала, чтобы выслужиться. Чуть ли не в рот мне заглядывала. Оттого выходило еще хуже.

Как ни странно, но главной моей опорой стал Рамиль. Он не тушевался, возражал, когда ситуация этого требовала, однако уже принятое решение не оспаривал. Правда, к перво-

му практикуму нас это не приближало.

Посмотришь – и поймешь, что хорошо даже, что Вику забрали в конклавский лазарет как единственного целителя. Только женских разборок мне не хватало. Так, может, и принесет, краями разойдутся.

К концу сентября нас стало меньше. Нет, никто не умер, хотя Коршун делал все возможное, чтобы это произошло. К примеру, как-то привел волота, полумразумного великана, разозлил, да вдобавок еще условие поставил – дескать, здоровяк не должен умереть. Само собой, пока мы выясняли, чья магия сильнее и кто первым будет атаковать волота, группа Горленко справилась с заданием.

Меньше нас стало потому, что Витя и Станислав уже получили так называемый вызов.

Горленко достался жердяй в Вологодской области, который погубил трех немощных. Задание средней сложности, если честно, но Витя был рад, словно получил приз зрительских симпатий.

Тинееву достался молодой упырь, пробудившийся на ярославском кладбище. Учитывая полное подчинение шестерки, да и силу самого Стаса, я был уверен в успехе. Вряд ли он сможет особо накосячить.

А вот две остальные группы томились в ожидании вызова. И все бы хорошо, я был готов ждать сколько потребуется, но масла в огонь подливал Куракин, пытаясь строить всяческие козни вокруг меня. Понятно, что в лице Зыбуниной и Рами-

ка он сторонников не нашел, поэтому направился к бывшей невесте. С ней я его и застукал в гостиной Башни Волшебства.

– Три голоса против могут привести к пересмотру лидера группы, – приторно вещал Куракин. – Ты же сама видишь, он не справляется. Его никто не слушается. Мы так никогда не получим вызов. Представляешь, что будут говорить остальные? Высокородные отсиделись на практикуме в школе. Я не хочу получить пару вызовов за весь год.

– Его не слушаешься только ты, – флегматично заявила Света. – И Аганина подбиваешь. А страдает вся группа.

– Мы же высокородные, мы должны держаться друг друга. – Что-то поздно ты это вспомнил, – усмехнулась Терлецкая. – Максим – нормальный лидер. Да, наверное, не самый лучший, но уж точно не хуже тебя.

При этих словах в груди потеплело.

– Ты занимаешь не ту сторону.

Даже глядя в затылок Саши, я чувствовал, что он краснеет от злости.

– Невесты без приданого и девушки без будущего имеют привилегию говорить то, что думают. Знаешь, я даже рада, что так все произошло. Не могу представить, что было бы со мной, если бы пришлось терпеть тебя рядом всю оставшуюся жизнь.

Наверное, в этот момент Куракин хотел сделать что-то непозволительное. Как в тот раз в лесу с Аней Горленко. Все-

таки он был намного сильнее Терлецкой. Но я решил, что самое время вмешаться и разрушить эту ламповую атмосферу.

– Против кого дружите? – я стал спускаться с лестницы.

Куракин гневно взглянул на меня и, подскочив как ошпаренный, отправился в свою комнату. Света лишь улыбнулась, но тоже не сказала ни слова. А у меня кольнуло в груди. Зараза, когда это любовное заклинание уже окончательно перестанет действовать?

Однако посыл я понял, более того, был согласен с Куракиным, как бы забавно это ни звучало. Мы ничуть не слабее Горленко. И уж если он получил вызов, то и кузнецовские должны. С этими мыслями я отправился к Коршуну. Проходя вниз, к «квартирам» преподавателей, у меня не было, поэтому пришлось ждать его на первом этаже Дома Чудес. И ждать довольно долго. Но существовало кое-что, чего Коршун никогда не пропускал, – ужин.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он, появившись из внезапно образовавшейся в стене двери, за которой виднелась лестница.

– Вас жду. Когда мы получим вызов?

– Вы не готовы, – коротко ответил Коршун, собираясь пройти мимо.

– Мы готовы. Каждый из нас – сильный маг, способный постоять за себя.

– Ты не понимаешь, – остановился инструктор, – это не открытое противостояние магов. Не дуэль. Ваш противник

может оказаться намного хитрее и опытнее. Знаешь, сколько раз я видел, как могущественные маги становятся жертвами какого-нибудь столетнего альпа из-за своей самоуверенности? Слишком часто. Вы должны стать командой.

– Мы команда. И мы готовы.

Конечно, я немного покривил душой. Ну совсем чуть-чуть. Таким сборищем нас не взяли бы даже в воскресную пивную лигу. Но я действительно был уверен в собственных силах. В конечном счете, если мы не сможем справиться вместе, то всегда можно сделать это по отдельности.

– Ты уверен? – серьезно спросил меня Коршун.

– Да, – я чуть поежился под его взглядом.

– Хорошо, будет вам вызов.

Сказал и ушел. Правда, ничего не изменилось. Мы все так же посещали учебу, повторяя пройденное, и выполняли задания. Последние удавались намного лучше, потому что двух сильных групп попросту не было. Но о сплоченности говорить не приходилось. Куракин с Аганиным меня игнорировали, Терлецкая инициативы не проявляла, поэтому я пытался сделать всю работу за других.

И вот уже когда я совсем отчаялся и собрался вновь идти к Коршуну, ранним утром ко мне ворвался Рамиль. Точнее, он ушел чистить зубы, но довольно скоро вернулся обратно, возбужденно размахивая руками:

– Макс, нас вызвали!

Сон как рукой сняло. Я вскочил и прямо в трусах и майке

выбежал в гостиную. Там, возле общей доски с новостями, уже стояли Куракин с Аганиным. Они даже не скривили физиономии при виде меня. Уж слишком любопытным оказалось послание от Коршуна:

«Группа Кузнецова, сбор в Башне в 12:00 с вещами. Назначение: Тверская область, деревня Проскеевка. Предполагаемое существо: разумное юдо».

– Макс, – Рамиль тихонько потянул меня за майку. – А чего это еще за юдо такое? Мы вроде на мифологии подобного не проходили.

Конечно, можно было рисануться перед высокородными. Но я не собирался врать Рамику:

– Если честно, я не знаю. Вот заодно и посмотрим.

Глава 5

Признаться, от первого выхода в «поле» я ожидал чего-то более воодушевляющего. На деле все произошло как-то чересчур обыденно. В назначенный час мы выстроились в гостиную Башни и, дождавшись Коршуна, отправились с ним наружу, где ждал молодой, чуть старше нас, высокий паренек из МВДО. Ошибки быть не могло. На принадлежность к министерству указывала черная фуражка с золоченым двуглавым орлом. В правой руке он зажимал меч, в левой – волшебный боевой посох.

«Оборонец», если судить по значку на лацкане потертого пиджака, занимал самый низкий ранг в Министерстве – поборника. Куракин довольно емко охарактеризовал его должностные инструкции: «Принеси-подай, иди на фиг, не мешай». Собственно, на значке и была изображена протянутая рука. Хотя, чего мы хотели? Другого бы присматривать за практикантами не прислали.

– Добрый день, меня зовут Кост... Константин Денисов, я буду следить за выполнением вашего первого вызова и отмечать действия каждого из членов отряда, – поборник тараторил так быстро, что я еле улавливал суть. Наверное, волновался, бедняга. – Я буду следить, но не вмешиваться.

– Я знаю видео, которое начиналось так же, – негромко сказал Рамиль, но судя по волне смешков, все наши его услы-

шали.

– Я... хотел... так, – совсем растерялся «оборонец», потирая лоб и смотря в стопку бумаг. Будто там был ответ, как вести себя с зарвавшимися школьниками. Мне его даже жалко стало.

– Все заткнулись и слушаем поборника, – Коршун решил взять ситуацию в свои руки. – Только он может завершить ваш вызов. И кстати, если с ним что-то случится, то миссия будет считаться проваленной.

– Да, это так... вдруг... то есть если со мной что-то случится, – почему-то слова Коршуна не успокоили, а, наоборот, еще больше взволновали «оборонца». – Лучше бы, чтобы ничего не произошло.

– Не бойся, – хмыкнул Куракин, – мы за тобой присмотрим.

– Ладно, давайте ближе к делу, – на висках поборника выступил пот. – Вот здесь весь пакет документов. Кто лидер группы?

Куракин явно хотел что-то вякнуть, но я отодвинул его в сторону и сделал шаг вперед. И тут же получил увесистый запечатанный конверт, после чего Константин поклонился и был таков. В смысле, произвел аппарацию.

– И чего? А нам куда? – удивленно спросил я.

– Читай, внутри все написано, – сказал Коршун и тоже пошел прочь, считая на этом свою миссию завершённой.

Вот и вся помощь. Пришлось в скором порядке вскрывать

конверт. Так, деревня Проскеевка, жертвы, фу, тут даже фотографии. А, вот, место размещения. Не поленились же они распечатать обстановку избы на глянцевой бумаге: старенький стол в проходной комнате, печка, рукомойник, посуда. Ну да всем известно: настоящие маги постоянно тяготели к тем технологиям, которые у нормальных немощных считались канувшими в лету. Прогресс – это не про нас. Ничего, глядишь, может, через лет десять дойдем до каких-нибудь мессенджеров и перестанем разрушать девственные леса Сибири.

– Аппарация до точки, – я разложил фотографии места «высадки». – Тут относительно недалеко, но случиться может всякое. Поэтому будьте внимательны.

– Что может произойти? – пожал плечами Куракин, направившись к фотографиям.

– Нет, – я вытянул перед ним руку, – сначала Рамиль.

Сила мгновенно всколыхнулась в высокородном, готовясь выплеснуться. И это почувствовал не только я. Катя сжалась, напряглась и что-то еще сильнее стиснула в руке, а Рамиль потер пальцы, как делал каждый раз, прежде чем призвать огонь. Они с Сашей – одной стихии, пусть последний явно помощнее.

Я сконцентрировал силу в руке, готовый как преобразовать ее в заклинание, так и прибегнуть к земляным доспехам.

– Плохо начинаешь, Кузнецов, – чуть поколебавшись, Ку-

ракин отступил.

Он понимал, что даже с учетом его опыта в магических делах ремесленнику против подмастерья не выстоять. У него был Аганин, у меня – Зыбунина с Рамилем. В открытом противостоянии ситуация патовая. Но меня успокаивало, что мы на самом видном месте, у Башни Волшебства. Надо быть идиотом, чтобы натворить глупостей здесь. И само собой, Саша им не был.

Я немного волновался, но разве существовал другой выбор? Первому, кто переместится, будет значительно проще. Меньше переменных. Поэтому сначала нужно было пропустить более слабых магов, а уже потом остальных. И заодно показать высокородным, что здесь все будет происходить не всегда так, как они хотят.

– Оставайся на месте, – сказал я Рамику.

Тот кивнул, напряженно взгляделся в разложенные фотографии и исчез.

– Терлецкая, потом Зыбунина.

Я не сводил взгляда с Куракина, готовый абсолютно ко всему. Но Саша уже окончательно успокоился, о чем свидетельствовала его подленькая улыбочка. Знаю, знаю, что-то задумал.

– Аганин, – сказал я, когда одна за другой переместились девчонки.

Мне на минуту даже стало интересно. Кем бы был Сергей, не окажись он в тени Куракина? Вдруг Аганин не такой уж

и плохой парень? Например, тому же Саше он всегда оставался верным другом. Надо будет присмотреться к нему. И практикум для этого – самое то.

– Теперь я, – сказал я Куракину, когда мы остались вдвоем. – Ты последний.

Однако у высокородного было на этот счет свое мнение. Я даже не заметил, в какой момент он оказался ближе к фотографиям. Куракин попросту схватил одну из них, осмотрев мельком остальные, и переместился. Вот же гад!

Мне хотелось кричать от ярости, бросить вслед Иглы или расщепить мерзавца. Однако вокруг уже никого не осталось. Я стоял возле Башни один-одинешенек и переместиться за группой не мог. Как бы ни было у меня хорошо с памятью, но я лишь в общих чертах помнил интерьер избы. Производить аппаратуру в таких условиях – самоубийство.

Я представил лицо Коршуна, когда заявлюсь к нему и скажу, что сам не местный и чуток отстал от поезда. Наверное, к Куракину будут применены какие-то санкции, однако такого крутого лидера, как я, точно заменят. Хотя был один вариант.

Проскеевку я догадался пробить заранее, еще вчера. Благо, у третьего курса Козлович то ли забыл, то ли не собирался изымать телефоны. Правда, в нескольких скудных строчках «Википедии» значилось лишь, что такое поселение действительно есть. Находится оно в Тверской области. Зато по картам удалось найти точное расположение. Топографиче-

ским кретинизмом я не обладал, если сейчас выдвинусь в правильном направлении, то даже дойду. Когда-нибудь. Но зачем идти, если можно ехать? Задумка, конечно, немного авантюрная, но чутье подсказывало, что вполне осуществимая. Поэтому я уверенными движениями прикоснулся к дверной ручке Башни и перешел сначала в Коридор, а потом и в Иномирье.

Мне показалось, или тут потеплело? А может, я попросту привык уже к этой вечной стуже? В любом случае надо торопиться. И не из-за мороза, который коварен и кусает за щеки не сразу. Непонятно, что там сейчас говорит Куракин про меня.

Теневик появился довольно скоро. Я почувствовал его приближение, а он явно понял, что пришел кормилец. Только не ожидал, что с пустыми руками. На моей стороне была вся дрессура нашего мира. Собак же тоже приучают к намордникам разными вкусняшками. Выполнил правильное действие – получил поощрение в виде сахарной косточки. А потом собаке совершает то же самое уже на автомате.

Вот и теневик недоуменно уставился на меня. В глазах его читался немой укор. Мол, я же пришел, где еда? Меня он не рассматривал на предмет того, чтобы схомячить. Это я тоже почувствовал. Уже хорошо.

– Мне нужна твоя помощь, – я стал медленно подходить к нему, поднимая руки и показывая пустые ладони.

Теневик сделал шаг назад, потом второй, однако все же

остановился. Не накорми я его досыта совсем недавно калорийным и нажористым тритоном, ответ с большой долей вероятности был бы другим. Более того, вернись я сюда к голодному ящеропсу, так он бы меня и разделал в первую очередь.

Теперь теневик лишь с интересом следил, как крохотное двуногое существо тянет свои культяпки к его совершенной бронированной чешуе. А потом наши силы вновь соединились. Или, напротив, пытались вернуться обратно, в родные оболочки. Думаю, терминология тут совершенно не важна.

– Мне нужно попасть в одно место.

Я не сказал это, а подумал. Но теневик все понял. Хорошо, когда есть такое существо, с которым можно общаться без всяких лишних слов. Был бы он женщиной, так я бы всерьез задумался о руке и сердце. Даже на разницу в веках бы не посмотрел. Уж прости, Тихонова. А когда теневик развернулся ко мне боком и плюхнулся на живот, мое сердце совсем растаяло.

Осторожно, чтобы случайно не порезаться об острую чешую, я взобрался на шею своему новому другу. По крайней мере, так очень хотелось думать. Теневик поднялся и неторопливо пошел по укрытой снегом земле, постепенно все быстрее и быстрее. Навигация складывалась сложно – в основном, в моей голове. Там я представлял карту нашего мира, где и должна была находиться Проскеевка. А теневик уже проложил примерное направление, опираясь на нынешнюю

местность.

Меньше чем через минуту мы неслись навстречу скорейшей смерти Куракина. Ну или вреду здоровья средней тяжести. Мне хотелось показать высокородному, как я научился с помощью каменной платформы поднимать людей в воздух. А потом быстро опускать.

Единственное, что немного отвлекало, – жуткий холод. Ветер хлестал школьную форму; нос и щеки начинало покалывать; а ответ на вопрос «Мерзнет ли супермен в стратосфере?» пришел довольно быстро. Офигеть как мерзнет. Я спрятал лицо в ворот свитера, благоразумно надетого под пиджак, и пытался думать о чем-то хорошем. На ум почему-то шел образ чая с матрешкой, батареи и бани. Я даже в какой-то момент действительно захотел спрятаться в странственной баньке. Благо, Потапыч ушуршал по делам сразу, как только мы вернулись в школу, и радовать меня своим присутствием не торопился. Однако я подумал, что крестик на такой скорости может попросту слететь с шеи теневика. И что будет потом? Выберусь я неизвестно где. Терпеть, надо терпеть.

Когда теневик остановился, я чуть не слетел с него, не сразу осознав, что произошло. Но ящеропес категорически отказывался двигаться дальше, более того, очень хотел, чтобы его перестали использовать исключительно как ездовое животное. Об этом свидетельствовало нетерпеливое переступание с лапы на лапу. Хотя вокруг ничего не было. Все такой же

снег, как и раньше, черная пустота, если попробуешь взглянуться в даль, и одинокий ветер. Но я искушать судьбу не стал, прыгнул, хотя ноги почти не слушались.

– Спасибо, – сказал я с трудом. Губы примерзли к деснам.

Я одеревенелыми руками слепил снежок, чтобы переместиться в Коридор. Запоздало подумал, что как-то нехорошо с теневином попрощался. Надо было вложить в благодарность больше эмоций. Но он сам видел, в каком я состоянии.

В свой мир я вывалился кусочком льда на сочинском курорте.

Хотя солнце раннего октября уже с трудом можно назвать теплым – чуть набегут облака, как противный ветер пронизывает до костей, – после Иномирья я был готов раздеться до трусов и загорать. Все-таки контраст оказался ощутим. Разве что только конечности, отогреваясь, начали сильно болеть. А ведь теневик преодолел это расстояние за несколько минут! И это хорошо: получается, тут времени прошло всего ничего.

Я с тоской посмотрел на деревеньку, находящуюся вдали, под холмом у реки. Ох, еще шагать и шагать. Зато, подобравшись поближе, удалось сделать первые выводы. Поселение было в явном упадке. Большая часть домов оказалась с наглухо забитыми ставнями.

Проскеевка – крохотная деревенька, далеко на восток от Твери, – находилась вдали от основных дорог. Будь она ближе к питерской трассе, так сюда бы, может, со временем пе-

ребрались дачники. А так получалось, что направление для развития бесперспективное. Природа? Вот только человеку сейчас надо, чтобы унитаз был не во дворе (это я по личному опыту знаю), газ проведен, детей не в соседнее село в школу везти, да и работа чтобы денежная была. Вот и разъехались из Проскеевки все, кто только мог. Остались одни старики. Да и тем «повезло». Объявилось юдо, что бы это ни значило. Про жертв я прочитав не успел, только картинки видел, но мне эта разумная тварь уже не нравилась.

Но сейчас на повестке дня стоял совершенно другой вопрос: как найти своих. Точнее, как оказалось, свои там далеко не все. Ладно, найти группу и довести ее численность до такого состояния, чтобы можно было смело заявлять о «своих». Мне действительно очень хотелось встретиться с Куракиным. Поговорить, так сказать, по душам.

Только я собрался набрать Рамика (это был самый действенный способ – его дурацкая попсовая мелодия являлась для меня лучшим раздражителем), как услышал громкие голоса в дальнем домике. Приблизившись, я заметил раскрытое окно и гневную отповедь Кати:

- Ты очень об этом пожалеешь, высокородный прыщ!
- Только попробуй, ведьма, тебя и весь твой Ковен...

Чувствуя, что вскоре явно случится нечто непоправимое и Зыбунина лишит меня удовольствия лично убить Куракина, я побежал к двери. Ворвался внутрь в самый подходящий момент. У Кати в руках виднелась какая-то склянка с темной

мутной жидкостью, а Саша начал плести заклинание. Рамик, несмотря на прохладное отношение к Зыбуниной, явно был на стороне ведьмы. Аганин, напротив, стоял за Сашей. Да что там, даже Терлецкая напряженно закусила нижнюю губу, хотя вряд ли собиралась вставать на чью-либо сторону.

Зато стоило двери скрипнуть, как вся ругань прекратилась. «Кузнецовские» устали на меня с таким выражением, будто забыли, в честь кого названа их группа.

Первым пришел в себя Куракин. Впрочем, сделал он это очень странно. Разбежался и выпрыгнул в распахнутое окно. Даже Аганин открыл рот от изумления. Следом вернулся дар речи к Кате:

– Максим, у тебя нос обморожен. И лоб. У меня мазь есть...

– Потом, – резко оборвал ее я. – Слушаем сюда, повторять не буду. Внимания не привлекаем, не кричим, не ругаемся. Всем понятно? Теперь дальше. Терлецкая и Зыбунина, приберитесь в избе. Тут давно никто не жил, пылищи куча. Возможно, здесь ночевать придется.

Видимо, поборник по доброте душевной подогнал нам один из заброшенных домов, в котором никто не жил. Больше того, мне почему-то казалось, что бывшие хозяева явно не переехали. Запах уж очень странный, затхлый, будто ничего не выветрилось. И окно вряд ли случайно распахнули.

Терлецкая открыла было рот, чтобы что-то возразить, но я молниеносно подавил ее взглядом, полным силы. Настрое-

ние у меня сейчас не самое подходящее, чтобы выслушивать от высокородных, на какую работу они согласны, а на какую нет.

Убедившись, что никаких протестов не предвидится, я повернулся к Аганину:

– Во дворе несколько колод. Наруби их. Ночью будет холодно, надо печь растопить.

– Мне? Рубить дрова? – не возмутился, а искренне удивился Сергей.

– Если хочешь, могу тебя с Терлецкой местами махнуть. Будешь полы мыть.

Высокородный, лишившись своего старшего товарища и так не придумав, как жить дальше, согласно кивнул.

– Топор возле сарая, – подсказал я ему, когда Аганин выходил.

– Так справлюсь, – гордо ответил он.

– Офигеть, Макс, ну ты прям Сигал, – восхитился Рамиль, когда мы остались вдвоем.

Девчонки сустились в соседней комнатке, а снаружи раздавался треск дерева. Топор Аганину действительно не понадобился.

– Кто? – не понял я.

– Ну Стивен Сигал. Который поезда и корабли от террористов спасает и баб бьет. Точнее, баб он бьет в свободное от съемок время. В общем, не о том я все. Лицо у тебя такое же было. Прям морда кирпичом. Ты где был?

– Там, где кирпичи откладывают, – коротко пояснил я. – В общем, Рамик, помоги девчонкам. Мне надо досье почитать.

– А че сразу... Ладно, ладно, только лицо больше такое не делай. И мазь бы взял у Зыбуниной, в самом деле.

К концу дня дом был приведен в относительный порядок. От запаха Кате удалось избавиться с помощью каких-то чающих трав. И справедливости ради, стало действительно лучше. Мы пытались разжечь печь, однако весь дым повалил внутрь. Тогда Зыбунина подсказала, что нужно прочистить дымоход. С чем, кстати, Аганин как маг ветра довольно неплохо справился. Через полчаса в печке плясал огонь, а дом медленно, но неотвратимо наполнялся теплом.

К тому времени я изучил все, что нам предоставило МВДО. По легенде, мы студенты тверской сельхозакадемии, специальность «лесное дело». Прибыли для моделирования экосистем и лесного ландшафтоведения. Я даже непроизвольно выругался. Они там в Министерстве совсем с ума все посходили? Как это вслух местным вообще говорить? Ладно, придумаем что-нибудь.

Более интересная информация была про жертв. Две женщины, один мужчина. Насильственная смерть. У мужика отсутствует лицо (к сожалению, даже фотографии приложили), у одной женщины – правая рука по локоть, у другой – часть бедра. Странный вкус у этого юды.

Если честно, мне было очень страшно. Где-то поблизости бродил зверь – разумный, если верить отчету, – который лю-

бил жрать людей.

Будто подслушав мои мысли, подал голос Рамик:

– Блин, жрать охота.

– Там полмешка картошки, – ответила Катя. – Наверное, поборник оставил.

Я хотел было вызваться на чистку корнеплода, но замер. Вдалеке, в лесу, раздался жалобный то ли плач, то ли вой. Мне показалось, что едва различимый, но все в комнате испуганно переглянулись. А следом кто-то поскреб в дверь.

Глава 6

В главе используются стихи Варвары Панюшкиной

Вообще соваться в дом к испуганным магам, пусть еще и недоучкам, – занятие, мягко говоря, небезопасное. Но в разумности юдо сомневаться не приходилось. Потому что когда я открыл дверь, готовый продемонстрировать непрошеному гостю весь волшебный арсенал, там стоял Куракин.

– Я, в общем, был неправ, – он виновато опустил голову.

Если я чему-то и научился в детстве, которое прошло во дворе, то это не добивать слабых. Я видел, как загнанные в угол пацаны дрались так, будто от этого зависела как минимум жизнь всех их родных. У каждого была точка кипения, когда ты начинал преобразовываться во что-то совершенно иное.

Куракин не привык извиняться, как не привык быть виноватым. Есть такой тип людей. Они не признают своей ошибки, даже если это снимут на тысячи камер. Поэтому в «извинения» высокородного я не поверил ни на минуту, однако и издеваться над ним перед остальными не стал.

– Все уже выполнили свою часть обязанностей, – только и сказал я ему. – С тебя чистка картошки.

Аганин отвернулся, разглядывая наступающую ночь в крохотном окне, Терлецкая едва заметно ехидно улыбку-

лась. Зыбунина легонько зевнула, давая понять, что это ее не касается.

– Но я... не умею, – растерялся Куракин.

– Научишься, я покажу.

После трех совместных картофелин высокородный угрюмо склонился над кастрюлей, уйдя в процесс с головой. Получалось, конечно, так себе. Из остатков кожуры можно было делать еще какое-нибудь блюдо. Но вмешиваться в воспитательный процесс я не стал. К тому же картошка все равно халаявная.

– «Чудо-юдо Рыба-кит, он под деревом сидит, воробьем он стать мечтает, книги он про птиц читает», – устроившись на табурете, задумчиво вещал Рамик.

– Чего ты бормочешь? – встрепнулся я.

– Да так, ничего, стишок детский.

– А ты помнишь его?

– Ну вроде... Так, как там дальше?.. «Книги он про птиц читает... И в один прекрасный день через лес летел олень! Кит увидел, говорит: он летает, а я – кит. Надо ж было ухитриться, чтобы рыбой уродиться». Э... дальше не помню, – он почесал макушку.

– «Ходит-бродит рыба-кит, и себе он говорит: был бы я малюткой-птицей, был бы я лесной синицей, я б летал через леса, слышал птичьи голоса».

Мы не заметили, как подошла Терлецкая. При ее постоянном присутствии легкая боль в груди, словно кто-то сдавил

ребра, усиливалась, поэтому я мог безошибочно определить, как далеко находится высокородная. Говорила Света нараспев, с интонациями, будто участвовала в конкурсе чтецов. Я даже на мгновение заслушался.

– Мне в детстве тоже этот стишок рассказывали, – закончила она.

– То есть Чудо-юдо – это рыба, которая хочет стать птицей?

– Если ты серьезно относишься к детским стихам, – Катя встретила в штыки эту версию. Скорее всего, потому, что стихотворение вспомнила Терleckая.

– Стишок, который знают и немощные – прости Рамиль, – и маги, – я пожал плечами. – Возможно, в этом что-то есть.

– Жрать охота, – протянул Рамик. И негромко добавил, указывая на Куракина: – Долго он еще?

– Хочешь – можешь помочь, – предложил ему я.

– Не хочу. Но если будем его ждать, с голоду помрем, – Рамиль взял со стола ножик.

Чуть позже к нему присоединился и Аганин, мастерство чистки которого было едва ли лучше, чем у его высокородного друга. С горем пополам, но через минут пятнадцать, в первую очередь благодаря Рамику, процедура была завершена.

Но на этом подвиги моего татарского друга не закончились. Рамиль нашел чугунную сковородку, остатки масла и с мастерством, которое не снилось всяким Гордонам Рамзи,

пожарил картошку. Получилась она жирненькая, хрустящая. Я чуть слюной не изошел, пока наконец сковорода не оказалась на столе. Вот тут все различие между разночинцами и высокородными пропало. Даже наша принцесса на горошине Терлецкая жадно уплетала высококалорийное блюдо. Про Аганина с Куракиным и говорить не приходилось. Они же приложили руку к созданию ужина.

– Сейчас бы огурцов соленых, – успевал еще болтать Рамиль. – Или капусты квашеной.

– А я люблю жареную картошку с холодным молоком, – ответила Зыбунина.

– Извращенка, – коротко констатировал Рамик. – Пойду чайник поставлю.

Я на мгновение напрягся, чуть забеспокоившись за слишком длинный язык друга. Однако Катя на данное заявление никак не отреагировала. Но я бы на месте Рамика следил за своей кружкой, к примеру. Травы разные бывают.

Допивая плохенький чай без сахара – старую пачку Рамик нашел в одном из ящиков стола, – я прикидывал дальнейший план действий. Все три тела обнаружили в лесу. Первую женщину – ту, без бедра, – аккуратно возле реки. Вторую несчастную, с оторванной рукой, – уже в чаще. Мужика без лица, точнее, уж почти деда, – ближе к деревне. Все смерти с разницей в несколько дней. По идее, следующая жертва должна быть завтра-послезавтра. Чудо-юдо, Рыба-кит... Чего же ты добиваешься?

В крепко натопленном доме думать было тяжело. Глаза слипались, голова все время стремилась оказаться на груди. Спать надо.

– Так, у нас есть печка с двумя спальными местами, – я пытался отогнать от себя дремоту. – Кровать в дальней комнате. И оставленные добрым поборником матрасы. Предлагаю девчонкам занять печку...

– Я с ней спать не буду, – Светка искоса взглянула на Катю.

– Ладно, мы с Сергеем на печку, – быстро вставил Куракин.

И, не дожидаясь возражений, полез наверх.

– Я на кровать, у меня от матрасов бока болеть будут, – заявила Терлецкая.

– Высокородные во всей красе, – фыркнула ведьма, но спорить не стала.

Так мы и устроились. Куракин с Аганиным – в комнате с печкой, все остальные – в соседней. Кате матрас положили поперек, прямо под окном. А мы с Рамилем легли на проходе. «Как бомжи», – сказал бы дядя Коля, увидев эту картину. Он всегда ругал меня, если я засыпал в одежде. Но тут по-другому никак. Еще заставят жениться.

Ночь прошла на удивление спокойно. Ни криков в лесу, ни стонов или других жутких звуков. К тому же дверь мы заперли на засов, да и я пару раз вставал, проверял, все ли нормально. Но юдо, если оно и бродило поблизости, решило к нам не соваться. И правильно сделало.

Утро началось, само собой, не с кофе.

– Господи, там даже туалетной бумаги нет, – задыхаясь то ли от возмущения, то ли от непередаваемого запаха, сказала Терлецкая, вернувшись из туалета.

– Вон целый ворох газет, пользуйся – меланхолично отозвался Рамиль. – Товарищ глава группы, скажи, мы чего жрать будем? Опять картошку?

– Не хотелось бы, – ответил я.

– Чай, кстати, тоже заканчивается, – сказал Аганин.

– Значит, надо идти на добычу еды. Магазин какой найди, – отозвался Куракин, явно пытаясь показать, что он полезен для группы.

– У тебя деньги есть? – спросил Рамиль.

– Когда отсутствие денег у магов было проблемой?

– Да, надо пройтись по деревне. С местными познакомиться, – как бы странно это ни звучало, но я поддержал Сашу.

Но на сонного и голодного охотника зверь прибежал сам. Стоило нам выбраться из дома и выйти за ограду, как мы буквально столкнулись с невысоким усатым мужичком лет за пятьдесят. Тот шел к нам, смешно раскачиваясь из стороны в сторону, облаченный в старый, наглухо застегнутый плащ. Хотя, я его понимаю: утро выдалось прохладным.

– Здравствуйте, – начал я, – а вы не подскажете, где тут ближайший магазин?

– А вы из лесничества, что ли? – спросил он.

Я вспомнил ту странную легенду, которую нам написали, и кивнул. Уж лучше пусть будет так.

– Так нет тут магазина, уже лет десять как. Вы совсем без продуктов приехали?

Представляю, что сейчас местный о нас думает. Тем более к нам присоединились девчонки, которых мужичок очень уж внимательно осмотрел. Разве что не облизнулся. М-да, вот только хоррора в глухой российской деревне нам не хватало. Сейчас он предложит зайти за продуктами к нему...

– У меня из запасов есть кое-что, – мужик не сводил взгляда с Терлецкой. – Щас принесу. Тут будьте.

Я облегченно выдохнул, а мужичок, все так же странно раскачиваясь, пошел к ближайшему дому.

В лучах утреннего солнца деревня выглядела как-то по-другому – тихой, будто и не живет в ней никто. Зброшенных дворов много. Но и возле обихоженных не видно жизни. Даже дымок над трубой нигде не вьется. С другой стороны, ночью еще не так холодно, заморозки не ударили. Это нам, неженкам, все не так.

Я обратил внимание, что наш дом оказался на отшибе. Будто оборонник специально взял тот, который подальше. Впрочем, может, так оно и было. Чтобы мы лишний раз местным на глаза не попадались.

Мужичок вернулся довольно скоро, таща целый пакет.

– Мука, яйца, сметана деревенская, масло. Всего по чуть-чуть, – сказал он, искоса поглядывая на Терлецкую.

– Спасибо вам большое, сколько мы должны? – спросил я, и только потом вспомнил, что денег у нас нет.

– Нисколько, – отмахнулся мужик. – Пользуйтесь. Завтра Сергеич в область поедет, можете у него заказать что надо. Но его сейчас дома нет, только к вечеру будет. Это вон тот, дальний дом. Да что ж я все болтаю, а так и не представился. Борис, – он подал мне руку.

Я пожал ее, но меня не покидало какое-то странное ощущение, словно что-то идет не так. Ладонь у Бориса оказалась мягкая, теплая, даже нежная, что ли.

– Максим. Мы, скорее всего, тут ненадолго. А что, говорят, у вас местных кто-то убивает?

– Да кто убивает? – пожал плечами Борис. – Волки. Видели тут стаю. Оттого Сергеич и в область едет, патроны купить. Вон оно как, – он показал рукой на дома позади, – все сидят, носы боятся высунуть, не то что в лес пойти. Вы бы, кстати, тоже не ходили.

– Нам нельзя, у нас работа, – я начал вживаться в роль. – А вы чего, не боитесь?

– А чего мне бояться? Я свое пожил. Да и мясо у меня жилистое. Волкам не понравится.

Перекинувшись еще парой фраз, мы условились, мол, если нам что понадобится, мы смело можем беспокоить Бориса. Он вроде как рад будет, совсем одичал в этой глуши.

– М-м, что за запах? – спросил я, когда вернулся.

– Блины, – ответила Зыбунина.

Пока мы вели светскую беседу с аборигеном, Катя успела забрать пакет и пойти готовить завтрак. Теперь на двух огромных чугунных сковородах она жарила блины. Запах стоял такой, что живот жалобно заурчал.

– Чайник ставь, – сказал я Рамилю. – И заваривай наши остатки. Надо экономить. А вечером, в самом деле, к этому Сергеичу ходим.

Румяная стопка росла на глазах. Катя как-то успевала еще смазывать блины маслом, проявляя чудеса ловкости.

– Давно я блинов не ела, – за столом оказалась Терлецкая.

– Ты возьмешь их из рук ведьмы? – с издевкой спросила Зыбунина.

Светка закусил губу, но ничего не ответила. Оно и понятно, быть гордой девушкой с принципами лучше всего на сытый желудок. Но мне было не до того. Рамик, которого еще Якут замечал на следопытстве за хороший глаз, придвинулся и зашептал на ухо:

– Стремный этот Борис какой-то.

– Чего стремного?

– Видел усы у него? По бокам седые, а в середине желтые.

Так бывает, когда человек много курит.

– Согласен. Курение – страшное преступление.

– Ты не понял, усы у него желтые, а ногти на пальцах – нет. У меня картатай всю жизнь курит, я знаю, о чем говорю.

– Кто курит?

– Дедушка по-вашему.

– Ну мне он тоже показался странным. С другой стороны, продуктов дал.

– Ты видел, как он на Светку смотрел?

– Ну она девка красивая, – я пожал плечами.

В этот самый момент Катя пристально посмотрела на меня. Аккурат между переворачиванием блинов. Услышала наш шепот, что ли? Одно слово, ведьма.

Ели мы молча. Во-первых, и говорить особо не хотелось. Во-вторых, блины были действительно жуть какие вкусные. Я последний раз такие ел... постарался вспомнить, когда, и не смог. Дядя Коля больше готовил какие-нибудь омлеты-яичницы, ну и мясные блюда. А блины делала лишь мама.

– Ладно, пойдем осмотримся, – сказал я, когда с завтраком было покончено.

– Вот так всегда: полчаса готовишь – сметают все за пять минут, – протянула Зыбунина.

– Спасибо, Екатерина, было очень вкусно, – неожиданно сказал Аганин.

– Да, спасибо, – добавил Куракин, вставая.

– Спасибо, – буркнул я, чувствуя, что краснею. Да, как-то неудобно получилось. Даже высокородные поблагодарили ведьму за завтрак, а я что-то лопухнулся.

– Куда пойдем? – спросил меня Рамиль, когда мы выбрались наружу.

На улице стало заметно лучше. Солнце уже поднялось, застенчиво нагревая землю. Мы были сытыми. На небе ни об-

лачка. Казалось, живи и радуйся. Но нет же, надо ловить юдо.
– В лес пойдем. Там же водятся «волки», – я сделал пальцы кавычками. – Идем друг за другом, если кто что увидит – говорит.

Вообще это можно было бы даже назвать приятной прогулкой. От деревни в лес вела одна-единственная тропка, так что ошибиться мы попросту не могли. Вот только никаких конкретных ориентиров здесь не было. Ни мест преступления, огороженных ленточкой, ни кровавых следов. Такое ощущение, что в МВДО ни ментовских сериалов по «НТВ» не смотрели, ни в третьего Ведьмака не играли.

Проплутав без особых успехов пару часов по лесу, мы выбрались к реке. Не бог весть какой, вброд можно перейти. Как там было: рыба-кит? Нет, в этом «море» таких млекопитающих точно не водилось.

– Ни фига мы тут не найдем, – жаловался Куракин. – Надо возвращаться в деревню и говорить с местными.

Я, в общем-то, был с ним согласен. И даже не хотел настаивать на своем только из-за того, что здравую мысль высказал Саша. Но нечто вроде внутреннего чутья говорило мне: «Здесь что-то есть».

– Пройдем немного вдоль реки, – сказал я.

Высокородный что-то пробубнил, но возражать не стал. То-то же. Аганин шагал молча, Терлецкая с самым отсутствующим видом разглядывала небо. Даже Зыбунина ушла в себя, разве что табличку не повесила: «Вернись не скоро».

Один только Рамик зыркал по окрестностям, пытаясь увидеть хоть какую-то зацепку. Он первым и вскинул руку.

– Там! – уверенно сказал мой друг.

Я даже не сразу увидел, что именно «там». Зато спустя еще добрых метров пятьдесят почувствовал. Место, наполненное силой. Вроде лебяжьего оврага возле школы.

Подойдя ближе, мы увидели довольно любопытную картину. Возле берега, чуть утопленное в воде, стояло дерево. Обгоревшее, расплющенное ровно посередине. Меж его корней виднелась воронка, закручивающая речной сор и частички земли. Меня аж пробрало.

– Молния попала в дерево, – констатировала «вернувшаяся» к нам Зыбунина.

– Здесь все стихии сошлись воедино, – Рамик запустил руки в волосы. – Молния ударила в дерево, оно загорелось. Все возле воды. Воронка – ветер. Рядом с берегом – земля.

– И все в месте силы, – подытожил я. – «Чудо-юдо Рыба-кит...» Теперь мы хотя бы знаем, как оно появилось. Сила родила существо, точнее, преобразовала его. Вопрос в другом: чего это юдо хочет добиться?

– Не нравится мне здесь, – призналась Терлецкая.

Я ожидал подколов от Кати, ее хлебом не корми – дай ткнуть высокородную, но ведьма вжала голову в плечи и грозно сверкала зелеными глазами.

– Ладно, возвращаемся, – сказал я. – Надо еще что-нибудь поесть сообразить.

Деревня встретила нас прежней тишиной. Хотя, казалось бы, день на дворе, неужели никто действительно не высунется наружу из-за этих волков? Что-то тут явно нечисто. Единственное место, где я чувствовал себя в безопасности, – это тот самый домик. Признаться, мне и наружу теперь не очень-то хотелось.

– Может, призвать этого «оборонца»? – предложил Куракин.

– В досье написано, что он сам будет выходить на связь каждые два дня. Если честно, я и не знаю, как его призвать.

– Можем отсюда э-э... отступить, – продолжал высокородный. – К примеру, в мое имение. Там есть комната для аппараций. Мне только нужно будет немного силы, один всех не перемещу.

Я, признаться, от таких щедрот даже офигел. Но отрицательно помотал головой:

– Задание завалим. Нам нельзя отсюда уходить, пока не поймаем юдо. Ладно, все остаются здесь, мы с Куракиным пройдемся по деревне.

Было видно, что Саше подобное предложение не по душе. Однако меньше всего высокородный хотел показаться трусом, поэтому пожал плечами и вышел наружу.

– И на засов закройте. Я постучу три раза быстро, потом два медленно.

– Сначала к Борису? – спросил Куракин.

– Нет, к нему в последнюю очередь.

На этом наше общение закончилось. Напряжение между нами было такое, что хоть ножом режь. Что тут сказать, не любили мы друг друга, и по вполне объективным причинам. Даже общее дело помогало не очень. Немного лишь успокаивало наличие рядом сильного мага. После меня у Куракина в группе был самый высокий ранг. И, думаю, тоже вполне заслуженно.

Благо демонстрировать магические способности не пришлось. Просто не на ком было. Деревня действительно «вымерла». Мы постучали в один дом, второй, третий. И никаких результатов.

– Ну, Сергеич должен был вечером приехать. Так Борис говорил. А остальные где?

Ответом мне стало напряженное молчание Куракина. У него, видимо, тоже на этот счет не имелось догадок.

Напоследок мы решили все-таки наведаться к Борису. Но и тот не открыл дверь. Чертовщина какая-то.

Зато дома нас встретили жареной картошкой, вареными яйцами и свежим чаем.

– Максим, садитесь быстрее, – сказала Катя. – А то Рамиль уже третью кружку пьет. Сейчас опять придется заваривать.

Куракин обогнал меня на повороте и налил остатки заварки себе. Ну да, высокий род – высокие манеры.

– Я заварю, – подскочила Катя.

– Не надо, кипятка долю в старую заварку.

– Так что там? – просил Аганин.

Сергей даже к еде не притронулся, ожидая нас.

– Нет никого, – ответил я.

– И что теперь делать? – испуганно спросила Терлецкая.

Я пожал плечами, налегая на обед. Сухари сушить. Если честно, в душе не представлял. Надо думать. Если бы рядом был Коршун, он бы что-нибудь живо сообразил.

Так мы ели, молча, с аппетитом, но без веселого настроения.

– Если никто не против, я пойду полежу, – сказала Светка, отодвинувшись от стола.

Походка у нее была какая-то странная, словно высокородная сильно устала.

– И я, – Куракин полез на печку. – Думал, хоть на практикуме по лесам шляться перестанем.

Я хотел что-то ответить, но лишь облизал сухие губы. У самого глаза слипались. Рамиль уже спал в тарелке. Зыбунина облокотилась на спинку стула и прикрыла веки. Аганин оперся на руки и дремал. Я обвел взглядом стол и понял. Чай! Новый заваренный чай. Нас опоили.

Глава 7

Сила буквально вытолкнула меня из небытия. Сила чужая, иномирная, плещущаяся внутри отголосками могущественного создания. Будто она не хотела заканчивать свой путь именно так. И надо отметить, возвращение оказалось странным. Приятным, будто я ворочался утром в теплой кровати, а не лежал на полу.

Но вместе с тем не было никакого дискомфорта, к которому почти привык. Тех самых болей в груди.

От этого понимания я подскочил на ноги. Зря, конечно – голова сразу закружилась, колени задрожали, а перед глазами все поплыло. Тело было странным, ватным, будто бы даже не моим.

В доме царило сонное царство. Рамик лежал на столе, Катя почти свалилась со стула, Аганин рухнул на полдороге к печке, с которой свисала рука Куракина. Зато я точно знал, кого нет в доме. И открытая дверь вкупе с отсутствующей болью в груди была этому самым ярким подтверждением.

В первую очередь я попытался разбудить товарищей. Куда там... Из всех них на вялые шлепки и пощечины откликнулся только Саша. За него я и уцепился, как за спасительную ниточку.

– М-м-м, – это был самый внятный из ответов на толчки и тормошения.

Эх, будь рядом Вика, все прошло бы не в пример легче. Даже небольшого вмешательства целителя хватило бы, чтобы поднять на ноги всю группу. Но чего нет, того нет. Будем действовать сами, опираясь на воспоминания моей боевой подруги. Как Вика говорила? «Тело человека похоже на подробную контурную карту. Надо лишь уметь ее смотреть». Жалко, что из меня тот еще географ.

Я попытался просканировать Сашу. Ну ремесленник, огневик. Сила у него вязкая, будто застывшая эпоксидка. Хотя нет, было что-то еще, инородное, притаившееся прямо в ней. Я коснулся лба Куракина – и моя энергия потекла по нему. Медленно, осторожно подбираясь к источнику заражения. А когда приблизилась вплотную, случилось совсем неожиданное.

Куракин открыл глаза, с удивлением посмотрел на меня. Сделал громкий ик, набрал воздух – и... я едва успел отскочить в сторону, чтобы не оказаться в рвотных массах.

– Ты чего? – слабым голосом спросил Саша, но потом обвел взглядом комнату.

– Нас опоили, – ответил я. – Терлецкую похитили.

– Кто? – туго соображал Куракин.

– Этот Борис, больше некому. Вставай, я попытаюсь поднять остальных.

– Сначала Сергея, – Куракин еще приходил в себя, оглядываясь и пытаясь понять, как бы слезть, чтобы не испачкаться. Заметив мой вопросительный взгляд, он объяснил: –

Аганин сильнее остальных.

Я мысленно согласился с этим доводом. Наша сила была главным оберегом. Почему маги почти не болели немощными недугами? Потому что сила нас защищала. Но стоило исчерпаться или оказаться близко к этому, как ты мог банально простыть. Потому в первую очередь магическая энергия и помогла Куракину очиститься от отравы. Я же послужил лишь легким катализатором.

Однако если первый блин получился на загляденье, то второй вышел комом. Как ни пытался я вливать в Аганина свою силу, он не реагировал. Никак.

– Нет времени, – я поднялся на ноги. – Пойдем вдвоем.

Во взгляде Куракина шла немая борьба. Я это заметил сразу. Он явно хотел убраться отсюда подальше, и вместе с тем сомневался. Не знаю, каков был бы его ответ, если бы похитили Зыбунину. Однако после долгих колебаний высококородный все же согласно кивнул:

– Как мы ее найдем?

– По следам, – соврал я, направившись к дому Бориса.

А сам прислушивался к боли в груди, впервые за долгое время надеясь, что она вернется. Потому что от этого зависела жизнь Терлецкой, то есть одного из членов моей группы. Этот комментарий я добавил, будто пытаюсь оправдать излишнюю заинтересованность в Светке.

Приблизившись к домику, из которого «местный» принес нам продукты и отравленный чай, я на мгновение смутился,

не зная, как себя вести. Вломиться внутрь? Или просто постучать?

Куракин развеял мою нерешительность легко и незамысловато. Небрежным взмахом руки он выломал дверь, и нас чуть не вывернуло от мерзкого запаха.

– Пойдем? – спросил я, уткнув нос в сгиб локтя.

– Ага, – высокородный пытался не дышать.

Первое, что бросилось в глаза – развороченный холодильник с открытой дверцей. Судя по пустым полкам, Борис отдал нам последнее, включая отравленный чай. Какой щедрый мерзавец!.. Но еще более любопытная находка ждала в дальней комнате. При виде мертвого изуродованного тела живот скрутило, и я чуть не повторил то, что недавно сделал Куракин. Чудом сдержался.

Во-первых, мужчину явно пытались расчленить и одновременно содрать кожу. Я даже не сразу сообразил, где у бедняги руки и ноги. Во-вторых, вокруг него виднелся обожженный пол, горсть земли и ведро воды. В-третьих, здесь чувствовалась сила. Уже знакомая. Та самая, обнаруженная нами у реки.

– Уж не тот ли это Сергей, который должен был поехать за патронами? – заметил Куракин чужим голосом, стараясь не смотреть на останки.

– Четыре стихии. – Я силился сохранять присутствие духа и мыслить логически. Выходило не сказать чтобы здорово. – Точнее, три, без воздуха. Он пытался провести какой-то ри-

туал, но у него не получилось.

– Здесь нет ветра, – согласился Саша. – Видимо, он испугался нас, поэтому собирался сделать все внутри.

– «Чудо-юдо Рыба-кит, он под деревом сидит», – еле дыша, вспомнил я.

– Думаешь, он вернулся туда? – спросил Куракин.

– На место, которое его породило. Его место силы. Далекое, но там все точно получится, что бы он ни задумал.

Других идей не было. Боль в груди не возвращалась. Поэтому мы не сговариваясь выскочили наружу и побежали к лесной тропе. Вот где сказалось превосходство атлетического клуба над мушкетным. Куракин сдох через четверть часа, хотя двигались мы в среднем темпе.

– Сюда, – на ходу бросил я, сходя с тропы. – Так быстрее.

– Ты уверен? – задыхаясь, спросил Саша.

– Вполне.

Все потому, что в груди едва заметно закололо. Я сейчас походил на магнит, стрелка которого лениво повернулась к северу. Учитывая холодное сердце Терлецкой, сравнение более чем уместное. Хотя вместе с тем двигаться стало труднее. Вместо утоптанной тропинки мы бежали по пересеченной местности. С оврагами, кустарниками, высокой травой и прочими прелестями дикого леса. Зато боль, медленно нарастающая с каждой минутой, придавала мне дополнительных сил и уверенности, чего нельзя было сказать о Куракине. Двигался высокородный давно уже на морально-волевых. И

будь с ним, к примеру, Аганин или Тинеев, так Саша точно запросил бы передышку. А так терпел, пыхтел, бежал позади. Самое время главе рода показывать свой характер.

Когда вдали серебряной лентой блеснула река, я сбавил ход. Во-первых, надо отдышаться, иначе мы станем легкой добычей. Во-вторых, подождать Куракина.

Приблизившись, тот оперся на дерево и отхаркнул густую слюну. Да, понимаю, так же ощущал себя в первый месяц занятий в клубе. Я даже представил, что чувствует Саша. Стальной привкус во рту.

– Уже рядом, – сказал я.

Сердце знакомо заныло, как и всегда. Ага, Терлецкая недалеко. И наличие боли означало одно: она жива. Еще не все потеряно.

– Пойдем, – скомандовал я.

Зрелище, открывшееся у самой кромки леса, было удивительным по своей красоте и одновременно ужасу. Подогнув колени, привязанная по рукам к расщепленному дереву, в месте силы висела Терлецкая. Обнаженная, совсем. Юдо без лишней стеснительности стянуло с нее абсолютно всю одежду, которую разбросало вокруг.

Я на мгновение невольно залюбовался Светкой. Даже теперь, в таком состоянии, она выглядела более чем соблазнительно. Нет, видеть голых женщин приходилось, в «Гугле» не забанен. Но Терлецкая действительно приближалась к идеалу. Гладкое красивое тело, длинные ноги, плавный изгиб

бедер и большая, ничуть не портящая ее грудь. И что самое важное – шрам у сердца, очень уж сильно похожий на мой.

Тем разительнее был контраст с юдо. «Борис», вернее, существо, представившееся этим именем, оказалось словно вылеплено из различных людей. Мужское поджарое туловище с толстыми бабьими ногами и большой обвислой задницей. Маленькие, заплывшие жиром ручки и те самые крохотные пальцы. Жертва хирурга-недоучки.

Стоило нам появиться, как юдо тут же повернулось, обнажив желтые зубы. Так делают животные, а никак не люди. Я не задумываясь швырнул в него ближайший камень, от которого Нечто отмахнулось, как от назойливой мухи.

Рядом выплеснулась сила, горячая, красная, опаляющая листья и мох на деревьях. Огненный столп вырос из-под ног Юдо. Я почему-то прикинул на себя, как бы сам защитился от Куракина. Каменный доспех? Но ты поди успеешь его накинуть. Тогда нечто вроде банального земляного щита? Почему нет.

Юдо такими вопросами не задавалось. Его тело словно было сделано из вольфрама. Спасибо урокам химии на первом курсе, хоть что-то запомнил. Проще говоря, существо никак не отреагировало на наши атаки. Более того, перешло в контрнаступление.

Меня сбilo с ног сильным потоком ветра и почти подняло в воздух. Я успел лишь накинуть на ступни тяжеленные земляные башмаки, чтобы не улететь, подобно Элли.

Куракину повезло меньше. В него устремились сотни капель, на ходу замерзая и превращаясь в льдинки. Высокородному пришлось ставить силовой щит – штуку весьма энергоемкую и малоэффективную.

– На него стихийка не действует! – крикнул я. – Ни одна!

Сам же схватился за камень и мысленно поднял его вместе с собой, вновь оказавшись на ногах. Прежде чем Юдо опять переключилось на меня, я смог кинуть в него пару Игл. Одна пролетела мимо, а вторая прошла живот.

Не успел порадоваться, как рана тут же затянулась. То есть он еще и регенерируется? Ну вообще отлично! Юдо отбросило на землю магическим взрывом – Куракин решил мне помочь. И опять же ничего. Обычно после такого существа если и встают на ноги, то страдают разрывами внутренних органов и отсутствием конечностей. Но Юдо легко вскочило на чужие бабьи ноги и размашистым движением отмахнулось от Саши. Вместе со взмахом руки несколько деревьев вырвало с корнем, с головой накрыв высокородного. Во мне даже мелькнуло нечто вроде сочувствия. Или это сожаление о том, что я остался один?

Пока Юдо коряво разворачивалось, мерзко виляя тазом, мне удалось лишь накинуть на себя легкий доспех. Камней поблизости было не сказать чтобы очень много. Поэтому пришлось делать защиту из подручных средств в виде ила и твердой земли, разбив их на небольшие фракции для подвижности.

Недалекое существо, видимо, незнакомое в должной мере с физикой нашего мира, лишь помогло мне укрепиться. Шмальнуло струей огня, выжигая зеленую траву. Ага, спасибо. Теперь ил стал похожим на кирпич. Хотя жар я почувствовал.

А сам скастовал заклинание, о котором лишь единожды читал, но вместе с тем не сомневался в его успехе. Матвеева говорила, что заклинания – как мат: есть несколько исходных значений, а все остальное – лишь производные. То, что кастовал я – или, как сказала бы Наталья Владимировна, применял, – именовалось в учебнике Секирой. По сути, та же Игла, только если бы я держал мысленно ее в руке. Ну и лезвие более широкое, режущее. Понятно, что вышло не совсем идеально, хотя бы потому, что целился я в голову. Но Юдо и так не понравилось. И его руке, которая после появления над ней секиры оказалась почти отсеченной. Висела она теперь лишь на нескольких сухожилиях и куске кожи. Чуть-чуть не хватило.

Зато осталась другая рука, которую Юдо и взметнуло в воздух. Зараза, как же он силен! Ветви ближайших деревьев стали расти с поражающей быстротой в попытке схватить меня. Так даже я не умею. Да, признаться, мне вообще не доводилось видеть настолько мастерское управление живой природой.

Доспех распался на части, бешено вращаясь вокруг и обрубая отростки. Эх, мне бы дотянуться до этого мерзавца, я

бы его отправил в такое интересное место, о котором он и мечтать не мог. Но сделать это было весьма непросто.

Как только я попытался «прилететь» на ближайшем большом камне, так сразу же был сбит сломанным деревом. Приблизиться по земле – затея еще более бесполезная. Ноги запутывались в «живой» траве, существенно замедляя движение, после чего приходилось отбиваться от атак Юдо.

Видимая аппаратура также не принесла ощутимых результатов. Более того, стало только хуже. В окружающем пространстве постоянно что-то менялось, поэтому меня выбросило не к существу, а в реку, пусть и неглубокую. В чужую стихию, без родной защиты.

Теперь я оказался в положении Куракина, вынужденный обороняться исключительно силой. Как бы сейчас кстати был артефакт Димона! Но чего нет, того нет. Зато пригодился подгон банника – рубашка, которую я не снимал с тех пор, как нас сюда отправили, думая не о разумном существе, а о коварстве высокородных. Она помогла хотя бы перераспределить силу, защитив против ледяного шторма из мелких застывших капель только голову с шеей и ноги.

Из минусов – лед, на большой скорости врезавшись в кольчужную рубашку, очень даже чувствовался. Представляю, что будет завтра. Тело, состоящее преимущественно из синяков. Осталась сушая пустяковина: чтобы это «завтра» наступило.

А защищаться с каждой секундой было все труднее. Щеп-

ки деревьев и камней, оставшихся на берегу, я встретил Расщеплением. И то мелкие фракции прорвались сквозь защиту, пусть и без особого вреда. Вот только что будет, если Юдо догадается: против воздуха и огня я уязвим даже с призванными стихийными щитами?

Оно же, судя по всему, как раз пришло к такому умозаключению. Чужие пальцы разумного существа налились жаром. Сила была на стороне Юдо. Примени он банальную стену огня, после нескольких секунд мой щит разрушится – и...

Оглушительный выстрел заставил вздрогнуть. Сила, бушующая внутри Юдо, бурным потоком стала медленно вытекать, будто река, нашедшая новое русло. Вместе с ней широкой полосой зазмеилась кровь из развороченной переносицы существа. Юдо удивленно повернулось на бабьих ногах, не желая поверить в произошедшее и ища своего убийцу.

Куракин стоял поодаль, именно там, где его и завалило, с окровавленной головой и неестественно вывернутым локтем. Явно вывих или перелом. Но в здоровой вытянутой руке высокородный держал пистоль, явно старый, фамильный и дорогой. Но действующий безотказно. Ладно-ладно, фехтовальный клуб против атлетического – 1:1. Есть моменты, когда огнестрел решает.

Я медленно выбрался из воды, еле волоча ноги. Даже учитывая мой ранг, схватка далась тяжело. Саша, чуть покачиваясь, пошел навстречу. Встретились мы у мертвого тела Юдо. Или того, что от него осталось.

Не поддерживаемое больше магией, существо распалось на то, из чего и состояло. На куски мертвых, украденных у немощных людей тел. Вот теперь я перестал сдерживаться. Меня рвало так, как никогда прежде. Даже первое знакомство с крепким пивом со старшаками вышло не в пример лучше. Хотя и тогда я знатно проблевался. Саша тоже схватился за рот, но вся еда, с которой он мог расстаться, уже осталась в доме.

– Интересно, что он хотел сделать? – спросил Куракин.

– Задай этот вопрос ему. Только я сомневаюсь, что он ответит, – выпрямился я, утирая губы.

– Еле выжили, – высокородный пристально смотрел на меня.

– Это уж точно. Пойдем, надо Свету снять.

– Много по силе потратился? – не унимался Саша.

– Да уж, слился будь здоров, – я еще не понял, куда он клонит. – Помоги, чего стоишь? Я понимаю, что вид красивый, но это, в конце концов, неприлично.

– И вокруг никого, – добавил Куракин, даже не шелохнувшись и не сводя с меня внимательного взгляда.

По коже пробежал легкий холодок. И явно не от речной воды. Только теперь до меня дошло. Вокруг действительно нет свидетелей. Юдо мертво, так почему оно не смогло по ходу дела отправить на тот свет еще и мага? Другой выжил, спас принцессу, то есть высокородную, все довольны, все счастливы. Кроме, разве что, одного уникама, который ре-

шил, что они действительно команда. Вот только тебе сначала надо меня еще одолеть.

Я поднял в себе ту небольшую толику сил, оставшуюся после схватки с Юдо, и приготовился к новой битве. А Куракин шагнул навстречу.

Глава 8

Я знал, что рано или поздно мы столкнемся лбами. Уж слишком много накопилось между нами противоречий. Но почему-то где-то в душе теплилась надежда, что совместные неприятности нас сплотят.

Сила поднималась в высокородном. Медленно, расчетливо. Хорошо, что я успел увидеть его немного в бою. Хотя вряд ли это станет решительным преимуществом. И вот в момент, когда магическая энергия должна была выплеснуться, нас грозно окликнули:

– Вы чего тут устроили?!

Куракин молниеносно изменился в лице, мгновенно подавив рвущийся наружу выплеск. Да и я сам немного растерялся. Стоило ли говорить, что мы сразу же сделали то, в чем нас несправедливо упрекали?

– Вы издеваетесь, что ли? Ну-ка прекратите на меня смотреть и быстро снимите отсюда!

– Так прекратить смотреть или снять? – спросил я, искоса поглядывая на Сашу.

– Снимите меня живо!

Я взмахнул рукой – и остатки пораженного молнией дерева с хрустом сломались. А следом за этим с грациозностью мешка картошки брякнулась на холодную землю Терлецкая.

– Кузнецов, дурак ты такой, нельзя аккуратнее?! А теперь

отвернитесь!

Мы послушались (будто у нас был какой-то другой выход). В беседе с разъяренной девушкой самое благоразумное – вести себя так, чтобы не злить ее еще больше.

– Ты же не думаешь, что я бы тебе что-нибудь сделал? – с легкой улыбкой спросил Куракин.

– Хочешь сказать, мне показалось?

– Хотел бы я тебя убить – дождался бы, пока это сделает Юдо, – пожал плечами высокородный.

Звучало это, конечно, предельно логично. Но, глядя в эти нахальные глаза, полные лжи и пренебрежения ко всем, кто родился под неправильной фамилией, больше всего хотелось рихтануть Куракину нос. И понятно, что я ему не верил от слова совсем. Зато был в каком-то роде благодарен за науку: мы с ним не сойдемся никогда и ни при каких обстоятельствах.

Тем временем Света приоделась, если можно так выразиться. Юдо нетерпеливо срывало с нее одежду, оттого порванная до половины юбка открывала часть длинных ног. А если учесть, что совсем недавно я видел, куда эти ноги приводят... В общем, не смотреть на Терлецкую тупым взглядом и не ронять слюни потребовало больших сил, чем я ожидал.

– Ты как? Идти можешь? – спросил я.

– Ага, – ответила Света и тут же чуть не рухнула на землю.

– Давай понесу тебя, – сказал я, взваливая ее на руки.

– Будем меняться, – категорично заявил Куракин с неко-

торой обидой.

Я пожал плечами, мол, да сколько угодно. Хотя, чего он вдруг возбудился? Сам же от невесты отказался. Или тогда ему не демонстрировали ее голышом?

Стоило Светке оказаться на руках, грудь пронзило болью. Только очень странной. От нее чуть подкашивались ноги, внутри все переворачивалось, и низ живота начинал как-то непонятно ныть.

Судя по тому, как Терлецкая закусилла нижнюю губу, она чувствовала нечто похожее.

– Чего он хотел? – я решил отвлечься разговором.

– Ему нужно было мое тело, – ответила Светка. – Этот монстр сказал, что набрался достаточно сил, чтобы забрать оболочку полностью.

– В доме у него это не особо получилось, – мрачно отозвался Куракин.

– В каком еще доме?

– Да так, потом расскажем, – буркнул я. – Красивый, кстати, амулет.

Светка даже не одернула меня, мол, опять смотришь на грудь. Лишь прикоснулась к артефакту – и тот исчез. А, вон оно как. То-то я не припомню, чтобы видел его, когда Терлецкая висела голая. Хотя, зная ее семью, амулетик, несмотря на всю привлекательность, плохенький. Не защитил красавицу от чудовища.

Ладно, отвлекся. Итак, получается, по первому времени

Юдо могло забирать лишь определенные части тела, «конструируя» из них себя. А постепенно пришло к тому, что оказалось способно забирать полностью шкуру любого человека. Представляю, что бы было, если бы «Терлецкая» вышла к дому после всего. Мы бы попросту не поняли, кто перед нами. Что еще интересно, я не чувствовал силу в «Борисе», хотя она у него явно была.

– Все, давай, вон уже как согнулся, – Куракин перехватил у меня «знамя».

Таким образом, попеременно обливаясь потом (оказалось, что тащить человека, пусть он и хрупкая девушка, – занятие не из легких), мы добрались до деревни. Точнее, до нашего дома. Там на крыльце нас уже ждала вся тройка в разной степени разбитости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.